

Ведьма, маг и мелкий шрифт

Юлия Туезова

Юлия Туезова

Ведьма, маг и мелкий шрифт

«Автор»

2026

Туезова Ю. А.

Ведьма, маг и мелкий шрифт / Ю. А. Туезова — «Автор», 2026

Что делать язвительной ведьме, если на кону гора золота, а единственный способ её получить — отправиться в поход с самым ворчливым магом в истории? Конечно, лгать, надеяться на авось и ни в коем случае не читать мелкий шрифт в магическом контракте. Янина привыкла выживать в Зачарованном лесу, полагаясь только на свою метлу и острый язык. Но когда мир начинает поглощать Тьма, а её фамильный кулон оказывается ключом к спасению, ей приходится заключить сделку с Кассианом — великим затворником, который ненавидит людей почти так же сильно, как когда его отвлекают от чтения древних гримуаров. Им предстоит столкнуться с фанатичными ученицами, излишне героическими союзниками и главным вопросом: что страшнее — гибель всего живого или внезапное осознание, что этот невыносимый маг стал тебе дороже всех сокровищ королевства?

© Туезова Ю. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Всё казалось просто	5
Глава 2 Могучий и ужасный маг	11
Глава 3 Мелкий шрифт и грядущие неприятности	20
Глава 4 Дорога к архиву	28
Глава 5 Цитадель архива	36
Глава 6 Невозможные манеры	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Юлия Туезова

Ведьма, маг и мелкий шрифт

Глава 1 Всё казалось просто

Утро в хижине Янины всегда начиналось не с пения птиц, а с амбре, способного свалить с копыт даже самого выносливого тролля. В воздухе висела густая смесь запахов серы, прелого мха и чего-то подозрительно напоминающего старые носки лешего. Янина, поморщившись, помешивала в котле варево ядовито-зеленого цвета. Это было специальное средство для коровы деда Герасима, которая после прошлой недели решила, что она — горная лань, и начала прыгать по крышам амбаров. Ведьма небрежно кинула в котел щепотку сушеной белены, и варево отозвалось недовольным шипением.

– Ну и вонь, – пробормотала она, вытирая руки о кожаный корсет. – Если эта скотина не уgomонится, я начну брать доплату за вредность производства.

В дверь робко поскреблись. Янина знала этот звук: так скребутся те, кому либо очень нужно чудо, либо очень жалко денег, но проблема прижала к стенке. На пороге стоял Пантелей, местный любитель заложить за воротник, выглядевший так, будто его только что пропустили через камнедробилку.

– Яниночка, милая... – прохрипел он, прижимая ладонь к виску. – Голова... того и гляди, расколется. Есть чего от этого... ну, от души?

Янина смерила его скептическим взглядом. Она знала, что «от души» в понимании Пантелея — это либо заговорить его так, чтобы водка превращалась в воду, либо дать настойку, от которой тяга к спиртному исчезнет вместе с желанием жить.

– Десять серебряных, Пантелей. И учти, если после этого отвара ты снова помотришь на бутылку, у тебя вырастут ослиные уши. И это не метафора, я серьезно.

Мужик вздрогнул, выскреб из кармана монеты и, получив заветный пузырек с мутной жидкостью, пахнувшей тухлыми яйцами, поспешно ретировался. Янина подбросила монету в воздух и ловко поймала её. Золото и серебро — вот её настоящая магия. Пока другие ведьмы мечтали о великой силе и приворотах на королевичей, Янина предпочитала твердую валюту. На окраине Зачарованного леса, в деревне Непотребкино, её считали вредной, невыносимой и жадной, но неизменно полезной. И её это более чем устраивало.

Вскоре у входа послышался хруст веток и ворчливое сопение.

– Опять ты своих алкашей лечишь, Янка? – в хижину ввалился Леший, выглядевший как оживший стог сена, обильно украшенный лишайником.

– Деньги не пахнут, в отличие от моего зелья, – парировала ведьма, закидывая сумку на плечо. – Идем, нам нужны корни сон-травы, пока роса не сошла. И не называй меня Янкой, я тебе не девка с сеновала.

Они углубились в чащу. Лес вокруг них жил своей странной, застывшей жизнью. Вековые дубы стояли недвижно, словно изваяния, а подлесок шептал на языке, который понимали только они двое. Янине всегда везло на находки. Стоило ей свернуть за корягу, как она тут же наткнулась на редчайший гриб или пучок нужной травы. Она коснулась пальцами своего кулона — крупного алмаза, вправленного в простую медную оправу. Бабушка говорила, что это фамильная ценность, приносящая удачу. Янина в удачу верила слабо, но кулон не снимала — он был единственной дорогой вещью, оставшейся от родни.

– Слышь, Яна, – Леший поскреб корой по макушке. – Опять в деревне про Мрак шепчутся. Говорят, на юге уже целые города в туман уходят. Тьма идет, настоящая.

– Мрак — это плохо для бизнеса, – отозвалась она, срезая корень. – Если все вымрут, кто будет покупать мои притирки от чесотки? Но пока это просто байки.

– Не байки. Королевские маги вон, девственниц ищут, чтобы к тому самому Кассиану отправить. Письмо, говорят, важное. Мол, только он, старый хрыч, знает, как эту заразу остановить.

При упоминании имени Кассиана Янина невольно фыркнула. Бабушка любила рассказывать сказки о великом герое, который триста лет назад спас мир от древнего зла, а потом заперся в лесу, создав вокруг своей башни зону вне времени. Но в Непотребкино легенды обросли сочными подробностями. Теперь Кассиан в народном творчестве превратился в жуткого монстра, который поддерживает вечную молодость, поедая невинных дев на завтрак. Хотя, судя по описаниям его характера, он скорее просто зануда, который не любит незваных гостей.

– Девственниц, говоришь? – Янина задумчиво прикусила губу. – И что, много платят?

– Гору золота обещали. Тому, кто письмо доставит и живым вернется. Но желающих нет — все боятся, что маг их первым делом в жабу превратит или, того хуже, заставит триста лет пыль свитком вытирать.

На обратном пути к дому Янина увидела на главной площади Непотребкино яркий пергамент, прибитый к столбу. «Требуется гонец чистой души для выполнения миссии мирового значения. Вознаграждение: пять тысяч золотых дукатов и пожизненное освобождение от налогов». Глаза ведьмы сузились. Пять тысяч. На эти деньги можно купить себе небольшой замок, нанять слуг, чтобы те варили зелья, и до конца дней пить только лучшее вино, а не кислятину из лавки старого Пахома.

– Пять тысяч, Леший, – прошептала она, ткнув пальцем в объявление. – Ты понимаешь, сколько это в пересчете на настойку от алкоголизма?

– Тебя там сожрут, Янка, – пессимистично заметил лесной дух. – Там же мелким шрифтом написано: «Чистая душа». А у тебя душа... ну, скажем так, с легким налетом плесени и сильным запахом корысти.

– Ой, да брось. Кто проверит эту чистоту? Маги в столице? Они же надутые индюки, видят только то, что хотят видеть. Если я надену белое платье и сделаю лицо попроще, они меня за святую примут.

Леший вздохнул, понимая, что спорить бесполезно. Если Янина учуяла запах золота, её не остановил бы даже разъяренный дракон.

– Ладно, авантюристка. Башню мага я знаю где искать, она в самом сердце леса, за Шепчущим болотом. Проведу тебя до границы, если решишься.

Янина не решалась, она уже действовала. Через два дня она стояла в парадном зале столичного дворца, окруженная высокими магами в расшитых золотом мантиях. Воздух здесь был пропитан пафосом и дорогими благовониями, от которых ведьме хотелось чихать. Перед ней на возвышении сидел Верховный маг — старик с бородой такой длины, что на ней можно было вешать белье.

– Ты утверждаешь, дитя, что готова нести свет надежды в обитель затворника? – торжественно спросил он, глядя на Янину сквозь магический моноколь.

Янина молитвенно сложила руки на груди, стараясь, чтобы её рыжие волосы не так сильно топорщились в разные стороны. Она надела свое самое скромное платье, которое, впрочем, все равно подчеркивало её совсем не детские формы, и напустила на себя вид невинной жертвы обстоятельств. Внутри неё все клокотало от смеха, но на лице застыла маска благоговейного трепета.

– О, мудрейшие, – заговорила она тонким, дрожащим голосом. – Мое сердце обливается кровью при мысли о гибели нашего прекрасного мира. Что значит моя жизнь по сравнению со спасением миллионов? Я готова пойти на этот риск, лишь бы Мрак не коснулся наших земель.

Один из магов подозрительно прищурился, изучая её ауру.

– Твоя душа кажется... необычайно целеустремленной.

– Это чистота помыслов, господин! – быстро вставила Янина, мысленно добавляя: «Чистое желание загрести ваши денежки». – Я росла в лесу, вдали от мирской суеты, среди цветов и пения птиц. Моя невинность — мой щит.

Маги переглянулись. Кажется, спектакль удался. Им позарез нужен был кто-то достаточно глупый или отчаянный, чтобы отправиться к Кассиану, и рыжая ведьмочка идеально подходила на роль жертвенного агнца. К тому же, её кулон на шее слабо мерцал, что они приняли за знак высшего покровительства.

– Хорошо. Подпиши контракт, – Верховный маг взмахнул рукой, и перед Яниной развернулся длинный свиток. – Здесь указаны условия вознаграждения и... некоторые формальности.

Янина быстро пробежала глазами верхние строчки: «Пять тысяч золотом по возвращении...», «...полное обеспечение...». Этого ей было достаточно. Она схватила перо и размашисто поставила свою подпись. Она даже не взглянула на нижнюю часть свитка, где буквы были настолько мелкими, что казались простыми точками. «Стороны обязуются соблюдать магическую привязку...», «...в случае резонанса артефактов...» — все это пролетело мимо её внимания. Для Янины контракт был просто бумажкой, которую она собиралась использовать как билет в богатую жизнь.

– Дело сделано, – объявил маг, и в его голосе проскользнула странная нотка, которую Янина в своей эйфории не заметила. – Можешь отправляться. Помни, судьба мира в твоих руках.

Вернувшись в свою хижину, Янина первым делом откупорила бутылку лучшего ягодного вина и весело рассмеялась. План был идеален. Она дойдет до мага, всучит ему это несчастное письмо, заберет ответ и вернется за золотом. Если Кассиан окажется таким уж страшным, она просто оставит конверт под дверью и убежит.

– Ну что, лесной дух, собирай манатки! – крикнула она Лешему, который копался в огороде. – Мы отправляемся в поход за сокровищами. Я развела этих столичных умников как детей. Невинная душа, ха! Да я чиста, как слеза младенца, если этот младенец только что украл кошелек у соседа.

Она начала лихорадочно паковать сумку. Зелье от ожогов, настойка для бодрости, пара сомнительных порошков для «особых случаев» и, конечно, походный котелок. Янина чувствовала себя победительницей. Она еще не знала, что «мелкий шрифт» уже начал действовать, и её фамильный кулон был не просто украшением, а частью древней игры, в которой ей отвели роль вовсе не простого почтальона. Но в тот вечер, глядя на заходящее солнце, ведьма видела лишь блеск золотых монет и свое светлое, обеспеченное будущее.

Путешествие вглубь Зачарованного леса напоминало попытку продрастья сквозь очередь за бесплатным супом, где каждый участник норовит ткнуть тебя локтем под дых, только вместо локтей были узловатые корни и колючие ветки. Лес, казалось, обладал не только скверным характером, но и специфическим чувством юмора: стоило Янине заглядеться на редкий мох, как под ногами материализовался корень-переросток, явно метивший ей в лодыжку. Она изящно — насколько позволяли тяжелые походные сапоги — перепрыгнула препятствие, послав лесу невербальный сигнал в виде среднего пальца.

– Ты бы поосторожнее с жестами, Янка, – проскрипел Леший, который в этих дебрях чувствовал себя как рыба в воде или, точнее, как блоха на собаке. – Местные дубы существа обидчивые. Один такой в прошлом веке зажал путника в объятиях и не выпускал, пока тот не выучил все триста куплетов баллады о грибном дожде.

– Пусть только попробуют, – огрызнулась ведьма, поправляя лямку сумки, которая уже начала немилосердно натирать плечо. – Я им такую «балладу» устрою, что они к осени все

иголки от стресса скинут, хоть они и листовенные. Мы уже три часа кружим вокруг этого Шепчущего болота, или мне кажется, что та дохлая цапля подмигнула мне второй раз?

Лес вокруг сгушался, превращаясь в сплошную стену из серого тумана и покрытых лишайником стволов. Воздух здесь был тяжелым, влажным и пах не просто прелой листвой, а чем-то древним, как нестиранные носки прадеда. Янина знала этот запах — так пахнет магия, застоявшаяся без дела. Кассиан, судя по всему, был тем еще любителем консервации: запереть целый кусок мира в персональном герметичном контейнере — это ж какой уровень мизантропии нужно иметь? Впрочем, она его понимала. Если бы у неё была возможность огородиться от всех идиотов мира магической стеной, она бы сделала это еще в пубертатном периоде.

Впереди замаячила граница Шепчущего болота. Поверхность воды, затянутая ряской, выглядела обманчиво неподвижной, но из глубины то и дело доносились странные звуки: то ли чей-то вздох, то ли приглушенное ругательство утопленника. Прямо на коряге, живописно торчащей из жижи, восседала Кикимора. Выглядела она как результат неудачного эксперимента по скрещиванию русалки с венником: ключья тины вместо волос, глаза цвета болотной гнили и кожа, напоминающая мокрую газету.

– Опять ты, рыжая? – Кикимора прищурилась, и её зрачки-щелочки вертикально вытянулись. – Я же говорила: если еще раз увижу тебя в своих владениях, пушу на удобрения. Моим пиявкам как раз не хватает витаминов.

– И тебе не хворать, Кузьминична, – Янина остановилась на относительно сухом пятачке земли и демонстративно уперла руки в бока. – Чего злая такая? Опять лягушки мигрировали не в ту сторону? Или твой благоверный Водяной снова ушел в запой с русалками из соседнего пруда?

Старая болотница надулась, став похожей на огромную жабу, и уже открыла рот, чтобы выдать какую-нибудь хлесткую гадость, но Янина вовремя выставила ладонь вперед.

– Спокойно, я по делу. И вообще, имей совесть. Кто твою любимую Жанетту от хандры лечил? Кто ей бородавки выводил, когда она решила, что она — заколдованная принцесса и перестала мух ловить?

Кикимора на мгновение замерла, её гнев поутих, сменившись чем-то отдаленно похожим на признательность. Жанетта, огромная пучеглазая лягушка весом с добрую утку, действительно была единственным существом, к которому старая ведьма питала нежные чувства. После курса «психотерапии» и особого отвара из мушиных крылышек, Жанетта снова начала радостно квакать и жрать всё, что движется.

– Ладно, – буркнула Кузьминична, неохотно слезая с коряги. – Долг платежом красен. Проходи, пока я не передумала. Но учти, рыжая, дальше тебе мои зуботычины покажутся детским лепетом. Впереди «Заслон Искренности». Старый хрыч Кассиан совсем из ума выжил, такие ловушки ставить.

– «Заслон Искренности»? – Янина нервно поправила кулон на шее. – Звучит как название дешевого женского романа. Что он делает? Заставляет признаваться в любви первому встречному дереву?

– Хуже, – Кикимора зловеще хихикнула, обнажая острые зубы. – Он пропускает только тех, чьи слова не расходятся с делом. Если ты скажешь, что ты святая невинность, а сама в мыслях уже прикидываешь, как бы обнести его подвалы, заслон тебя просто размажет по коре в виде тонкого слоя органики. Ты ведь за золотом идешь, я тебя насквозь вижу. Твоя совесть такая же чистая, как моё болото в сезон цветения.

Леший, до этого хранивший молчание, обеспокоенно зашуршал корой.

– Яна, может, ну его? Пять тысяч золотых — это, конечно, круто, но живая ведьма в рваных штанах лучше, чем мертвая в золотом гробу. Мы же знаем, что «чистая душа» и ты — это понятия из разных вселенных.

– Отставить панику на корабле! – отрезала Янина, хотя в животе неприятно засосало. – Магия — это всего лишь логическая задача с переменными. Если заслон требует искренности, он её получит. Но в моем исполнении.

Они двинулись дальше. Вскоре воздух перед ними начал мерцать, словно над раскаленным асфальтом, хотя жарой здесь и не пахло. Это было марево, натянутое между двумя гигантскими дубами, которые выглядели подозрительно бодрыми и внимательными. Их ветви медленно шевелились, словно щупальца, готовые перехватить любого, кто не пройдет проверку.

– Так, – шепнула Янина, останавливаясь в паре шагов от барьера. – Леший, твой выход. У тебя же были те «особые» ягоды?

Леший понятиво кивнул и выудил из складок своего тела горсть сморщенных плодов, которые пахли так, будто их забыли в теплом месте на пару лет. Это были забродившие ягоды «хмельного дурмана» — местный деликатес, способный отправить в глубокий нокаут даже взрослого медведя, а для деревьев это было что-то вроде жидкого транквилизатора. Он осторожно подошел к корням дубов-стражей и начал «подкармливать» их, что-то ласково нашептывая на языке леса. Деревья, почуяв халявное угощение, жадно всосали сок, и их ветви заметно обмякли, а бдительность притупилась.

Теперь настал черед Янины. Она глубоко вздохнула, стараясь унять дрожь в руках. Прямая ложь здесь не работает — заслон почувствует фальшь в вибрациях голоса. Нужно было использовать то, в чем она была мастером: искусство двусмысленности и полуправды. Она сделала шаг вперед, и мерцающее марево тут же уплотнилось, преграждая путь. В голове раздался бесплотный, лишенный эмоций голос, который, казалось, вибрировал в самых костях:

– Кто идет? Каковы твои помыслы, гостья? Чиста ли твоя душа, как того требует закон этого места?

Янина зажмурилась, концентрируясь на своей главной цели. Она не думала о золоте как о воровстве, она думала о нем как о честно заработанной плате. Она не думала о своем вранье магам как о грехе, а видела в этом производственную необходимость.

– Мои намерения абсолютно чисты в моем желании получить обещанное! – громко и четко произнесла она, вкладывая в каждое слово всю свою убежденность. – Я действительно та, кого ищут маги, и я несу то, что должна принести. Каждое моё действие продиктовано истинным стремлением выполнить контракт и спасти этот мир, чтобы он продолжал существовать для моего блага!

Технически, она не солгала. Её намерения были кристально чистыми — она искренне хотела золото. Она была именно той рыжей авантюристкой, которую наняли, и она действительно хотела спасти мир, потому что мертвым золото ни к чему. Заслон задрожал, магические потоки начали анализировать её слова, сопоставляя их с глубинными импульсами души. Янина чувствовала, как невидимые щупальца проникают в её разум, вороша мысли, словно старые письма.

И в этот момент случилось нечто непредвиденное. Её фамильный кулон-алмаз, который обычно просто висел на шее холодным грузом, внезапно раскалился. Жар был таким сильным, что кожа под медью начала гореть. Но хуже жара было чувство, которое захлестнуло её сознание — это было ледяное, концентрированное раздражение. Оно не принадлежало ей. Это было чужое чувство, высокомерное и до ужаса усталое, словно кто-то очень важный только что проснулся от того, что в его дверь настойчиво тарабанит назойливый коммивояжер.

«Опять? – пронеслось в её голове чужим, глубоким голосом. – Неужели им мало было трехсот лет тишины? Убирайся, ничтожество...»

Янина охнула, схватившись за кулон, и едва не упала. Её собственные мысли на мгновение перемешались с этим ледяным вихрем чужой воли. Это было похоже на ментальный удар под дых. Но, как ни странно, именно эта вспышка чужой энергии послужила своеобразным

ключом. Заслон, распознав знакомую «подпись» (хотя Янина этого еще не поняла), расступился, превращаясь в прозрачное облачко пара.

– Ой, мамочки, – прохрипела она, приходя в себя. – Что это было? Такое ощущение, что мне в мозг залили жидкий азот.

– Ты прошла! – радостно воскликнул Леший, подбегая к ней и поддерживая под локоть. – Я думал, нас сейчас на атомы распылит, а ты просто взяла и... Янка, ты гений махинаций!

– Да уж, гений, – пробормотала ведьма, вытирая пот со лба. – Только у этого гения голова сейчас расколется. Погода тут какая-то... аномальная. Наверное, из-за высокого давления магического поля сосуды пошаливают.

Она решительно поправила сумку, стараясь не думать о странном голосе и обжигающем кулоне. В конце концов, она ведьма, а не изнеженная городская барышня. Списав всё на «эффект первого контакта» с мощной охранной системой, Янина взглянула вперед. Теперь, когда завеса пала, лес стал выглядеть иначе. Деревья расступились, открывая вид на широкую поляну, в центре которой возвышалась башня мага.

Она была именно такой, какой Янина её и представляла: высокой, нелепой, с какими-то странными выступами и флюгером в виде спящего дракона. Вокруг башни не было ни единого сорняка — газон выглядел так, будто его подстригали маникюрными ножницами каждое утро. Весь этот вид так и кричал о перфекционизме и занудстве хозяина.

– Ну, вот она, цитадель снобизма, – Янина усмехнулась, чувствуя, как азарт снова берет верх над страхом. – Идем, Леший. Нас ждет великий маг и мои пять тысяч золотых.

Она зашагала по идеально ровной дорожке, не замечая, как в камышах Шепчущего болота за её спиной Кикимора зашлась в беззвучном, надрывном хихиканье. Старая болотница знала, что заслон не просто пропускает — он связывает. И то, что рыжая ведьма почувствовала «раздражение» хозяина, означало только одно: мелкий шрифт в контракте начал превращаться в реальные цепи, и это приключение только что перестало быть просто походом за деньгами.

Глава 2 Могучий и ужасный маг

Кассиан Гроуд ненавидел пробуждения. Особенно те, что сопровождалось надрывным звоном магических колокольчиков, сигнализирующих о том, что очередной амбициозный смертный решил продырявить его покой своим навязчивым присутствием. Триста лет затворничества научили его ценить тишину, запах старой пергаментной пыли и отсутствие идиотов в радиусе десяти миль. Но нет, мир снова катился в бездну, и, судя по вибрации защитного контура, королевство опять решило делегировать к нему «чистую душу».

– Опять... – прохрипел маг, с трудом разлепляя веки.

Голос звучал так, будто в горло насыпали битого стекла. Кассиан мысленно пробежался по списку предыдущих «спасительниц». За последние три столетия их было пять. Первая рыдала три часа, пока он не отправил её к разумным грибам в измерение вечных споров. Вторая пыталась накормить его пирожками с приворотным зельем, за что была сослана в мир бесконечных балов, где её единственным партнером стал вечно танцующий скелет. Все они были одинаковыми: наивными, пафосными и совершенно бесполезными в быту.

Нужно было действовать быстро. Если гостя задержится дольше десяти минут, она начнет задавать вопросы о судьбе мира, а этого его мигрень точно не вынесет. Кассиан сосредоточился, сплетая потоки магии. Воздух в главном зале башни сгустился, превращаясь в едкий, черный дым, пропитанный запахом серы и подгоревшего омлета. Его тело начало стремительно меняться, раздуваясь в объемах и покрываясь иссиня-черной чешуей.

Через мгновение на месте хмурого мужчины возвышался колоссальный дракон. Его глаза светились расплавленным золотом, а когти скрежетали по мраморному полу, высекая искры.

– ТРЕПЕЩИ, НИЧТОЖНАЯ! – проревел он, и от этого звука должны были лопнуть витражи. – ТЫ ПРИШЛА В ОБИТЕЛЬ УЖАСА, ЧТОБЫ СТАТЬ МОИМ ОБЕДОМ!

Он набрал в легкие побольше воздуха, готовясь выпустить струю декоративного пламени, которая не обжигает, но выглядит крайне эффектно. Двери залы с грохотом распахнулись.

На пороге стояла Янина. Она не закричала. Она не упала в обморок. Она даже не попятилась. Ведьма лишь брезгливо прикрыла нос краем своего поношенного кожаного корсета и несколько раз демонстративно кашлянула, разгоняя рукой дымную завесу.

– Ну и вонь, – заявила она, делая решительный шаг внутрь. – Слышь, образина, ты бы хоть форточку открыл. У тебя тут такая концентрация серы, что у нормальной девственницы легкие бы свернулись в трубочку еще на лестнице.

Кассиан замер с открытой пастью. Его золотистый глаз нервно дернулся. Это была не та реакция, на которую он рассчитывал. Где слезы? Где мольбы о пощаде? Где хотя бы примитивный ужас перед лицом хтонического величия?

– Я ГОВОРЮ, ЧТО СЪЕМ ТЕБЯ! – добавил он чуть менее уверенно, обдавая гостью жаром.

Янина подошла ближе и, прищурившись, уставилась прямо в его огромный ноздреватый нос.

– Ага, съешь он меня. С такой-то печенью? Ты на чешую свою посмотри, она же тусклая, как бок немойтой коровы. У тебя явно застой желчи и хронический недосып. Если ты меня сожрешь, у тебя такой изжоги не будет, только если ты пьешь щелочь на завтрак.

Кассиан почувствовал, как его драконий авторитет стремительно осыпается, словно штукатурка со стен старой хижины. Эта девица была... неправильной. В её взгляде не было ни капли того благоговения, которое он привык видеть у посланников королей.

– Скучная ты, зверушка, – резюмировала Янина, поправляя сумку на плече. – Давай заканчивай этот цирк с конями. У меня контракт, время — деньги, а твой дым портит мою прическу.

Маг разочарованно выдохнул, и облако сажи окутало его, скрывая процесс обратной трансформации. Ладно, запугивание не сработало. План «Б» был более тонким: вызвать жалость и нестерпимую скуку. Через секунду на месте дракона сидел глубокий старик.

Он выглядел так, будто лично помнил сотворение мира и забыл, где оставил свои вставные челюсти. Длинная белая борода, заросшая паутиной и клочьями настоящей пыли, ниспала до пола. Кассиан согнулся в три погибели, оперся на суковатый посох и задрожал всем телом, имитируя крайнюю степень старческой немощи.

– Дитя моё... – прошамкал он голосом, в котором слышался хруст сухих листьев. – Ты пришла... а я так слаб... Глаза мои почти не видят... Уши мои забиты веками безмолвия... Присядь, расскажи мне сказку, и, может быть, лет через сорок я найду силы прочитать твоё письмо...

Он приготовился к долгому, занудному монологу о тяготах бессмертия, но Янина его перебила, даже не дослушав первую жалобу.

– Слышь, дед, ты мне эти сказки про немощь брось, – она уже бесцеремонно расхаживала по залу, тыкая пальцем в антикварные вазы и массивные шкафы. – Этот шкаф из мореного дуба, небось, еще эпоху Первых Королей застал? Потянет на сотню дукатов, не меньше. А подсвечники? Чистое серебро, хоть и потемнело от твоей лени.

Кассиан приоткрыл один глаз, наблюдая, как «чистая душа» оценивающим взглядом профессионального скупщика краденого сканирует его имущество.

– Ты что делаешь? – не выдержал он, забыв шамкать.

– Инвентаризацию, – отрезала ведьма. – Если ты тут копыта отбросишь, пока я письмо вскрываю, мне нужно знать, что из этого хлама можно вывезти на телеге. Ты же одинокий старик, родственников, небось, нет? Мог бы и завещание составить на имя... ну, скажем, «дальней племянницы по линии троюродного лешего». Для спасения мира полезно, знаешь ли.

Кассиан выпрямился. Его спина хрустнула, но уже по-настоящему. Он чувствовал, как внутри закипает холодная ярость, смешанная с полным недоумением. Она пришла сюда не спасать мир. Она пришла сюда грабить.

– Вон! – рявкнул он, и его голос снова обрел силу и глубину. – Убирайся в свои пески, нахалка! Я не собираюсь терпеть этот балаган!

Он взмахнул рукой, сплетая сложное заклинание пространственного переноса. Перед Яниной возникла мерцающая воронка портала, ведущая в безжизненную пустыню, где единственным развлечением было пересчитывать песчинки. Это был его коронный прием для избавления от нежелательных гостей.

Но стоило магии коснуться пространства рядом с ведьмой, как произошло нечто невыносимое. Её кулон-алмаз внезапно вспыхнул ослепительным белым светом. Кассиан почувствовал, как его собственное заклинание, вместо того чтобы сработать, вдруг всосалось в этот камень, словно вода в сухую губку.

В тот же миг его грудь пронзила резкая, обжигающая боль. Амулет под его камзолом отозвался яростной пульсацией. Это был не просто магический сбой. Это был резонанс. Мощная, непреодолимая волна чужих эмоций захлестнула его сознание: жадность, азарт, легкое раздражение от того, что сапоги жмут, и... странное, почти детское любопытство.

Янина вскрикнула, схватившись за сердце. Её лицо побледнело, а в глазах отразился тот самый холодный снобизм и усталость, которые секунду назад испытывал Кассиан.

– Какого черта?! – выдохнула она, оседая на пол. – Мои мозги... они словно в блендере побывали!

Магическая маскировка Кассиана разлетелась вдребезги. Иллюзия дряхлого старика растаяла, открывая его истинный облик. Перед ведьмой стоял высокий, опасно красивый мужчина. Его иссиня-черные волосы были растрепаны, а ледяные голубые глаза метали молнии. Синий камзол, расшитый мерцающими рунами, подчеркивал широкие плечи. Воздух вокруг него мгновенно наполнился запахом озона и старых книг.

– Ты... – Кассиан сделал шаг к ней, его голос дрожал от напряжения. – Кто ты такая на самом деле?

Янина подняла голову, и её взгляд на мгновение замер на его лице. Она невольно сглотнула. Великий маг оказался вовсе не сморщенным грибом, а вполне себе аппетитным экземплярном, который в приличном обществе вызвал бы массовые обмороки у дам. Но она быстро взяла себя в руки.

– Я? Я посланница мира, святая невинность и вообще луч света в твоём темном царстве, – она попыталась усмехнуться, но резонанс снова ударил по нервам, заставляя её поморщиться. – Хотя, судя по тому, как у меня сейчас в голове фонит твоим высокомерием, «святая» — это не про нас.

Кассиан склонился над ней, его лицо было в дюйме от её. Он чувствовал запах трав, костра и чего-то подозрительно напоминающего ворованную настойку.

– Врешь, – прошипел он. – Твоя душа пахнет корыстью, дешевым зельеварением и полным отсутствием совести. Ты не «чистая душа». Ты — ведьма. Мелкая, пакостная лесная ведьма, которая обманула королевских магов.

Янина выпрямилась, стряхивая его руку со своего плеча. Она чувствовала, как её кулон вибрирует в такт его дыханию. Связь была установлена, и она была крепче любых кандалов.

– Ой, посмотрите на него! Разоблачил! – она картинно всплеснула руками. – Да, я ведьма. И да, я здесь ради пяти тысяч золотых. А ты, как я погляжу, не такой уж и древний хрыч. Триста лет в лесу, а морщин меньше, чем у моего лешего после бани. Как ты там говорил? «Ничтожная»? Ну-ну. Посмотрим, как ты запоешь, когда поймешь, что мы теперь в одной связке, красавчик.

Кассиан выпрямился, потирая грудь там, где висел амулет. Резонанс не утихал. Он чувствовал её насмешку так же ясно, как свою собственную ярость. Мелкий шрифт в контракте, о котором он сам когда-то позабыл, сработал с иезуитской точностью.

– Это катастрофа, – констатировал он, глядя на рыжую авантюристку.

– Это бизнес, милый, – парировала Янина, поднимаясь с пола и отряхивая штаны. – И поверь, я выжму из этого спасения мира всё до последнего медяка. Даже если мне придется терпеть твою заносчивую физиономию все двадцать четыре часа в сутки.

Янина демонстративно выудила из бездонных недр своей сумки свиток, скрепленный такой жирной королевской печатью, что ее хватило бы на смазку для пары тележных колес. Она развернула пергамент с таким треском, будто ломала сухую ветку об голову особо непонятливого клиента. Кассиан, все еще пытающийся восстановить остатки своего пошатнувшегося достоинства и пригладить растрепанные иссиня-черные волосы, смотрел на нее так, словно она принесла ему не письмо, а дохлую крысу на блюде.

– Ну, слушай, «великий и ужасный», – возвестила ведьма, принимая позу трагической актрисы, у которой только что украли гонорар. – Тут Его Величество, да пребудет его казна вечно полной, изволил разразиться пафосом. Цитирую: «О, великий хранитель равновесия! Мрак поглощает наши пределы, тени шепчут о конце времен, а мои маги только и умеют, что превращать вино в воду, да и то случайно. Спаси нас, или нам всем крышка».

Янина сложила свиток, едва не прищемив себе пальцы.

– В общем, если вкратце: мир катится в бездну, а ты единственный, кто знает, куда нажать, чтобы это остановить. И да, за спасение обещали гору золота. Пять тысяч дукатов, Кас-

сиан! Ты хоть представляешь, сколько это в пересчете на качественный перегон для лешего или на нормальный ремонт моей крыши, которая течет каждую осень?

Маг устало потер переносицу. Его ледяные голубые глаза, казалось, стали еще холоднее, хотя внутри него все еще отголосками гремел чужой азарт, передававшийся через магическую связь.

– Конец света, – проворчал он, поправляя свой роскошный камзол. – Снова. Это уже третий за последние пятьсот лет. Неужели люди не могут справиться с элементарным катаклизмом без того, чтобы будить меня в самый разгар... ну, скажем так, моего глубокого раздумья о смысле бытия?

– Ага, «раздумья», – фыркнула Янина, скептически оглядывая гору пустых винных бутылок в углу. – Видала я эти раздумья. Обычно они заканчиваются тяжелым похмельем и попытками вспомнить собственное имя. Идем уже, «хранитель». Мир сам себя не спасет, а золото само себя не заработает.

Кассиан, издав страдальческий вздох, который мог бы сдвинуть небольшую тучку, направился к выходу из главного зала.

– Ладно, ведьма. Я посмотрю, что там за Мрак. Но если это окажется просто нашествие гигантских слизней или очередной бунт недовольных эльфов, я превращу тебя в садового гнома. Это будет справедливо.

Они подошли к массивным дубовым дверям, окованным магической сталью. Башня Кассиана была не просто строением, а живым организмом, настроенным на паранойю своего владельца.

– Теперь отойди, – высокомерно бросил маг, делая пасс руками. – Здесь нужна авторизация. Защитный контур не пропускал никого триста лет, и он очень не любит гостей без приглашения.

Он замер, нахмурившись. Пальцы застыли в воздухе, выписывая замысловатую руну, которая никак не желала вспыхивать нужным светом.

– Так... – пробормотал Кассиан. – Кажется, это был «Феникс-666»... Или «Смерть_всем_людишкам_01»? Нет, погоди. Может, «Люблю_тишину_и_пыль»?

Янина прислонилась к косяку, скрестив руки на груди.

– Ты что, забыл пароль от собственного дома? – в ее голосе сквозило такое нескрываемое злорадство, что его можно было намазывать на хлеб вместо масла.

– Я не забыл! – огрызнулся маг, на лбу которого выступила капелька пота. – Я просто... оптимизировал систему безопасности настолько, что она стала слишком интеллектуальной. Она эволюционировала!

Он решительно сделал шаг вперед и наступил на неприметную плитку с выгравированным глазом. В ту же секунду башня отозвалась гулким, вибрирующим звуком, похожим на недовольное ворчание проснувшегося вулкана. Воздух вокруг Кассиана сгустился, превращаясь в тугие золотистые нити. Маг дернулся, попытался выставить щит, но магия его собственного дома была слишком хорошо настроена против создателя.

– Ой-ой, – только и успела сказать Янина, когда пространство вывернулось наизнанку.

Раздался сочный хлопок, и вот уже Великий Маг Кассиан Гроуд болтался вниз головой, подвешенный за щиколотку к самому своду потолка. Его роскошный камзол задрался, открывая вид на вполне приличные, расшитые серебром панталоны, а иссиня-черные волосы живописно свисали вниз, подметая мраморный пол.

– «Петля Ироничного Смирения», – констатировал бесплотный, механический голос, эхом разнесшийся по залу. – Обнаружен объект, выдающий себя за хозяина, но не прошедший проверку на актуальность пароля. Начинаю процедуру очищения совести путем публичного оглашения мелких бытовых прегрешений.

Янина зашлась в таком приступе хохота, что ей пришлось схватиться за ближайшую статую горгульи, чтобы не рухнуть на пол.

– Ой, не могу! – всхлипывала она, тыча пальцем в раскачивающегося мага. – «Петля Ироничного Смирения»! Это гениально! Ну давай, голос, вещай! Я вся во внимании!

– Прегрешение номер один, – занудно продолжал голос башни. – Сто двадцать лет назад хозяин намеренно подменил лечебную настойку лесного духа на концентрированный рассол, чтобы тот перестал заходить к нему по четвергам и жаловаться на радикулит.

– Кассиан! – Янина вытерла слезы. – Ты — монстр! Бедный Леший до сих пор вспоминает ту «чудодейственную воду», от которой у него мох на затылке поседел!

– Заткнись! – прошипел маг, чье лицо уже приобрело оттенок спелого помидора из-за прилива крови. – Это была производственная необходимость! Он читал мне стихи собственного сочинения! Ты не представляешь, как это больно — слушать оду про грибковую инфекцию!

– Прегрешение номер два, – не унималась башня. – Хозяин трижды притворялся мертвым, когда в дверь стучали налоговые инспекторы из Межмировой Палаты Магии, используя для убедительности заклинание трупного окоченения и запах гнилой капусты.

Янина буквально сползла по стенке, не в силах больше стоять.

– Это... это просто золото, – простонала она. – Кассиан, ты мой кумир. Ты не просто великий маг, ты великий прогульщик и обманщик. Кажется, у нас гораздо больше общего, чем я думала.

– Сними меня немедленно! – заорал пленник, совершая отчаянные, но бесполезные телодвижения в воздухе. – Если этот голос дойдет до случая с розовыми фламинго в саду Верховного Инквизитора, я никогда не смогу показаться на людях!

Но башня не собиралась останавливаться. Из тени колонн, лязгая металлом, выдвинулся массивный Страж-доспех. Его пустые глазницы светились красным, а в тяжелой стальной перчатке был зажат ритуальный тапок сокрушительного размера — явный инструмент для «физического вразумления».

– Ой, кажется, шутки кончились, – Янина резко перестала смеяться. – Эй, консервная банка! Отвали от него, он, конечно, зануда, но он мне нужен живым для получения вознаграждения!

Страж проигнорировал ее, занося перчатку для первого, явно очень обидного удара по филейной части мага. Кассиан зажмурился, готовясь к позору, который не смоет никакая вечность.

И в этот критический момент кулон на шее Янины, тот самый невзрачный алмаз, внезапно ожил. Он вспыхнул ослепительным, яростным белым светом, который в мгновение ока заполнил весь зал. Это был не просто свет, это была волна чистой, первородной энергии, которая с тихим шипением коснулась магических конструкций башни.

Золотистые нити, удерживающие Кассиана, просто испарились. Маг с глухим звуком рухнул на пол, в последний момент успев сгруппироваться. Страж-доспех замер, его красные глаза погасли, а сам он бессильно осел, превратившись в грудку неподвижного лома. Магия башни словно натолкнулась на неоспоримый приказ, против которого у нее не было защиты.

Тишина, наступившая после этого, была настолько густой, что ее можно было резать ножом. Янина стояла, тяжело дыша, и прижимала ладонь к кулону, который все еще приятно, почти ласково грел кожу.

– Что... что это было? – прошептала она, глядя на Кассиана, который медленно поднимался на ноги, отряхивая свой помятый камзол.

Маг замер на мгновение, его взгляд на секунду метнулся к ее кулону, и в глубине его зрачков промелькнуло нечто, очень похожее на узнавание и... опасение. Но уже через мгновение он напустил на себя свой привычный вид невыносимого сноба.

– Что было? – он картинно поправил манжеты, игнорируя тот факт, что только что висел вниз головой. – Ничего особенного. Обычный «резонанс величия». Ты же находишься рядом со мной, ведьма. Мой Великий Амулет обладает настолько колоссальной мощностью, что любые побочные магические предметы в радиусе мили начинают... как бы это выразиться понятнее для твоего деревенского ума... фонить.

Янина прищурилась.

– Фонить? – переспросила она. – То есть, этот прожектор в пятьсот ватт устроил твой амулет, а не мой камень?

– Разумеется, – Кассиан величественно зашагал к дверям, которые теперь беспреколочно распахнулись перед ним. – Моя аура настолько велика, что она просто индуцирует свечение в твоей безделушке. Это как... как солнце, отражающееся в луже. Не льсти себе, это была просто физика высшего порядка.

Янина хмыкнула, чувствуя, как внутри нее нарастает подозрение. Кулон на ее груди продолжал пульсировать тихим теплом, и это тепло не ощущалось как «отражение». Оно ощущалось как нечто глубоко личное, мощное и... очень древнее.

– Ну да, конечно. Солнце и лужа, – пробормотала она, следуя за ним. – Смотри только, «солнце», чтобы твои лучи не перегорели от следующего пароля.

Они перешагнули порог башни. За порогом их ждал не тихий Зачарованный лес, а мир, над которым уже начали сгущаться первые тени Мрака. Небо было затянуто странной, фиолетово-серой дымкой, а птицы, обычно галдевшие в кронах, подозрительно затихли. Янина поправила сумку на плече и бросила взгляд на профиль идущего рядом мага. Тот выглядел сосредоточенным и, несмотря на всю свою заносчивость, явно встревоженным.

– Знаешь, Кассиан, – сказала она, когда они начали спускаться по холму. – Пять тысяч золотых — это, конечно, хорошо. Но если этот твой Мрак действительно такой жуткий, как пишут в свитках, нам придется стать чертовски хорошей командой. Или очень быстро бегать.

– Бегать — это удел смертных, – отрезал маг, не оборачиваясь. – Маги решают проблемы изящно. И постарайся не отставать, ведьма. У меня еще остались дела в этом мире, и в список этих дел не входит оплата твоих похорон.

– Ха! Ты сначала свои долги лешему верни, благодетель! – парировала Янина, чувствуя, как азарт приключения окончательно вытесняет страх.

Впереди их ждал долгий путь, полный монстров, магии и, как подозревала Янина, очень большого количества мелкого шрифта, который им еще только предстоит прочитать.

Шмяк. Шмяк. Шмяк. Этот звук стал лейтмотивом их триумфального шествия по Шепчущему болоту. Если раньше Янина считала, что у неё плохой характер, то теперь она поняла: по сравнению с Лешим она — просто воплощение кротости и всепрощения. Старый моховой дед не просто обиделся на Кассиана за историю с расолом столетней давности — он объявил тихую партизанскую войну. И выражалась она в том, что Леший выбирал такие тропы, по которым даже цапли ходили с опаской, предварительно надев спасательные жилеты.

– Послушай, ты, куст переросший, – Кассиан в очередной раз выдернул ногу из жадно чавкающей жижи, оставив в ней, кажется, часть своего аристократического достоинства. – Я уверен, что пять минут назад мы прошли мимо той же самой ивы, у которой ветки завязаны в узел. Ты ведешь нас кругами. И эти круги становятся всё более... влажными.

Маг выглядел как побитый жизнью павлин. Его роскошный синий камзол был забрызган грязью, а шелковые панталоны, которые, несомненно, стоили как приличный деревенский дом, теперь напоминали половую тряпку после генеральной уборки в конюшне. Кассиан старался идти, едва касаясь земли, но местная грязь обладала удивительной способностью подпрыгивать и прилипать именно к самым дорогим тканям.

– Кругами? Я? – Леший даже не обернулся, его ветвистая спина выражала высшую степень праведного негодования. – Да я этот лес знаю как свои пять пальцев, которых у меня, кстати, семь. Просто рельеф местности изменился. Понимаешь, «ваше величество», почва тут тонкая, ранимая... Совсем как чувства некоторых лесных духов, которых поят соленым кипятком вместо целебной росы.

Янина, шедшая следом и на удивление ловко перепрыгивающая с кочки на кочку, едва сдерживала смех. Её походные сапоги, смазанные гусиным жиром, чувствовали себя в этой среде как дома. Она чувствовала, что Леший наслаждается каждой секундой мучений мага, и, честно говоря, не могла его винить. Наблюдать за тем, как Великий Хранитель Равновесия пытается спасти свои кружева от болотной тины, было лучшим развлечением за последние пару лет.

– Хватит ныть, Кассиан, – бросила она через плечо, поправляя лямку сумки. – Леший просто выбирает самый... экологичный маршрут. Если бы ты не был таким заносчивым индюком и хотя бы разок извинился за тот рассол, мы бы, возможно, уже пили чай на сухом берегу. Но ты же выше этого, верно? Тебе проще утонуть в грязи, чем признать, что ты был неправ.

– Извиняться перед растением? – Кассиан фыркнул, едва не поскользнувшись на скользком корне. – Я — Кассиан Гроуд, я укрощал штормы и заставлял вулканы засыпать! Я не... О, проклятье!

Его нога ушла в жижу по самое колено. Громкий хлюпающий звук возвестил о том, что болото приняло очередную жертву. Кассиан замер, его лицо приобрело опасный багровый оттенок, а вокруг пальцев начали плясать синие искры. Воздух мгновенно запахом озоном — верный признак того, что маг готов был разнести это болото к чертям собачьим вместе со всеми его обитателями.

– Только попробуй, – Янина мгновенно оказалась рядом и чувствительно ткнула его локтем под дых. – Только попробуй выпустить здесь свою боевую искру. Знаешь, что сделает болото? Оно впитает твой импульс и выдаст его обратно в виде пятидесятиметрового фонтана дерьма. Хочешь проверить? Давай, я даже отойду подальше, чтобы не забрызгало.

Маг медленно выдохнул, гася искры. Его взгляд, полный ледяной ненависти, скрестился с насмешливыми глазами ведьмы. Резонанс между ними на мгновение вспыхнул, передавая ей его жгучее раздражение и почти физическую боль от ощущения грязи на коже. Янина поморщилась, но руку не убрала.

– Вот и умница, – прошептала она. – Терпи. Героизм — это не только драконов резать, это еще и мокрые штаны.

Путь преградила огромная кочка, поросшая ядовито-зеленым мхом. На ней, вальяжно раскинувшись, сидела старая знакомая — Кикимора Кузьминична. Она выглядела так, будто только что вышла из салона красоты для утопленников: в волосах торчали свежие кувшинки, а на шее красовалось ожерелье из рыбьих скелетов. Увидев процессию, она картинно зевнула и выставила вперед перепончатую лапу.

– Опять вы? – Кикимора прищурилась, глядя на Кассиана. – И этот пафосный индюк всё еще с тобой, рыжая? Я же просила: мусор в моё болото не выбрасывать. Глянь на него — чистенький, напудренный... Тьфу, смотреть противно. Нарушает общую эстетику гниения.

Кассиан выпрямился, пытаясь придать себе величественный вид, несмотря на грязную ногу.

– Послушай, почтенная... э-э... женщина, – начал он своим самым глубоким и властным голосом. – Нам нужно пройти. У нас миссия государственной важности. Мир, как бы это выразиться, в опасности. Подвинься, и я, возможно, забуду о твоём неуважении.

Кикимора расхохоталась, и этот звук был похож на лопающиеся пузыри болотного газа.

– Мир в опасности? Милок, моему болоту тысячи лет, оно пережило десяток твоих «миров» и еще столько же переживет. Пока ты не докажешь, что ты полезнее, чем коряга для

моих лягушек, ты дальше не пройдешь. Вон, Леший подтвердит — ты только место в пространстве занимаешь.

Леший согласно закивал, делая вид, что очень занят изучением лишайника на соседнем дереве.

Янина поняла, что пора брать инициативу в свои руки, пока Кассиан окончательно не превратил их дипломатическую миссию в локальный апокалипсис. Она выступила вперед, нацепив на лицо самую дружелюбную из своих ведьминских улыбок.

– Кузьминична, душа моя, не кипятись! – Янина заговорщически подмигнула болотнице. – Ну какой из него мусор? Это же ценный ресурс. Ты только представь: у него в башне такие сплетни ходят — закачаешься! Рассказать тебе, с кем сейчас крутит интрижки главный королевский казначей? Или почему королева вдруг начала носить парики из конского волоса?

Глаза Кикиморы загорелись любопытством. Сплетни в этих лесах ценились выше золота, а «экслюзив» из самого дворца был просто бесценен. Но старуха оказалась крепким орешком.

– Сплетни — это хорошо, – буркнула она, почесывая нос. – Но этого мало. Видишь мои волосы? Триста лет в тине, расчески не видели. А русалки из соседнего пруда хвастались, что маги умеют делать какой-то «магический маникюр» и прически, которые не боятся сырости. Пусть этот твой красавчик покажет класс. Хочу быть королевой болота, а не шваброй на выгуле.

Кассиан побледнел. В его глазах отразился такой ужас, будто ему предложили съесть живого гоблина.

– Маникюр? – переспросил он, содрогаясь. – Я — Маг Первого Круга, я изучал метафизику пространства и теорию струн! Я не буду... Я не умею... Это унижительно!

Янина подошла к нему вплотную и тихо, но веско произнесла:

– Либо ты сейчас делаешь ей маникюр, «Великий Маг», либо я оставляю тебя здесь. И поверь, Кузьминична найдет тебе применение. Будешь работать пугалом для аистов до конца своих дней. Выбирай: достоинство или свобода. И учти, я очень хочу свои пять тысяч золотых.

Кассиан долго смотрел на неё, и в этом взгляде читалось всё: от желания испепелить её на месте до полного отчаяния. В конце концов, он тяжело вздохнул и подошел к Кикиморе. Его руки дрожали, когда он доставал свою изящную палочку из черного дерева.

– Ну, чего встал? – буркнула Кузьминична, протягивая ему свою когтистую, покрытую слизью лапу. – Начинай, кудесник. И чтоб блестело, как чешуя молодого карася!

Следующий час стал для Янины самым веселым в её жизни. Кассиан, брезгливо морщась и едва сдерживая рвотные позывы, использовал ювелирные заклинания бытовой магии, чтобы распутать тину в волосах Кикиморы. Он плел тончайшие магические нити, очищая каждую прядь от налипших улиток и мелких головастиков. Его высокомерное лицо застыло в маске мученичества, пока он аккуратно подпиливал магическим светом кривые когти болотницы, придавая им форму, которую он, вероятно, видел у придворных дам.

– Ой, гляди, как переливается! – восхищенно квакнула Кикимора, рассматривая свои новые изумрудные ногти, светящиеся мягким магическим светом. – И волосы... такие мягкие, как пух у гусенка. Молодец, индюк. Умеешь, когда прижмет.

Кассиан ничего не ответил. Он просто стоял, глядя в пустоту, словно его душа только что покинула тело от переизбытка позора. Он даже не заметил, как одна из болотных лягушек, привлеченная теплом его магии, ловко запрыгнула в его глубокий карман камзола и там уютно устроилась.

– Ну что, долг платежом красен, – Кикимора довольно хлопнула в ладоши, от чего с её новых волос посыпались искорки. – Леший, веди их по сухой тропе. И чтоб ни одна пиявка их не тронула. Мне еще нужно показать эту красоту Водяному, пусть лопнет от зависти со своими русалками.

Леший, заметно подобревший после такого зрелища, наконец-то перестал вести их через самые глубокие лужи. Он уверенно зашагал по едва приметной тропинке, которая действи-

тельно была сухой и даже покрытой мягкой хвоей. Янина шла вприпрыжку, чувствуя, как настроение поднимается до небес. Она была сухой, довольной и на шаг ближе к своему золоту.

Когда они наконец выбрались на опушку, где лес начал редеть, Кассиан остановился и долго очищал свой камзол заклинаниями, которые, кажется, были предназначены для дезинфекции операционных залов. Его лицо снова приобрело привычное выражение ледяного высокомерия, хотя пятно тины на левом плече всё еще нагло напоминало о недавнем триумфе.

– Чтобы. Никто. Об этом. Не узнал, – процедил он, глядя на Янину.

– О чем? О том, как ты делал педикюр жабе? – Янина расплылась в улыбке. – Ну что ты, Кассиан. Я могила. Правда, могила с очень хорошей памятью. И если ты еще раз назовешь меня «ничтожной ведьмой», я могу случайно заговорить во сне в присутствии королевского летописца.

Кассиан промолчал, лишь сильнее сжал зубы. Он не заметил, что Янина то и дело украдкой поглядывает на свой кулон. Алмаз на её груди был холодным и спокойным, словно обычный кусок стекла. После того странного всплеска в башне он больше не подавал признаков жизни, и это немного успокаивало. Значит, маг действительно был прав — это просто «резонанс» его собственного величия.

– Эй, «солнце», – окликнула она его, зашагав вперед. – У тебя из кармана что-то квакает. Похоже, ты завел себе первого фаната.

Кассиан нащупал в кармане что-то холодное и скользкое. Его глаза расширились, когда он встретился взглядом с пучеглазой лягушкой, которая, кажется, совершенно не собиралась покидать свой новый роскошный дом. Маг издал нечленораздельный звук, полный боли и смирения, но выкидывать животное не стал — видимо, сил на новые конфликты с природой у него просто не осталось.

Мир вокруг всё еще был затянут мрачной дымкой, но сейчас, глядя на хмурого мага с лягушкой в кармане, Янина подумала, что спасение этого самого мира может оказаться гораздо забавнее, чем она рассчитывала.

Глава 3 Мелкий шрифт и грядущие неприятности

Столица встретила их не фанфарами и цветами, а оглушительным молчанием стражи и откровенно испуганными взглядами горожан. Если бы Янина знала, что поход по Шепчущему болоту превратит её парадный кожаный корсет в пособие по изучению редких видов плесени, она бы, честно, потребовала аванс в двойном размере. Она шла по начищенному до блеска мрамору королевского дворца, оставляя за собой сочные, чавкающие следы грязи, и каждый её шаг отдавался в тишине зала как пощечина этикету. Рядом, стараясь сохранять лицо, шествовал Кассиан. Его вид был не лучше: синий камзол, когда-то бывший верхом портновского искусства, теперь напоминал половую тряпку, а из левого кармана всё еще периодически доносилось подозрительное «ква-а».

– Слышь, Ископаемое, – негромко шепнула Янина, косясь на застывших в поклоне гвардейцев. – Тебе не кажется, что они на нас смотрят так, будто мы принесли с собой не спасение, а чуму в подарочной упаковке? Может, стоило всё-таки зайти в общественную баню по дороге?

Кассиан даже не повернул головы. Его челюсть была сжата так плотно, что казалось, зубы вот-вот превратятся в костяную муку.

– Маги его ранга, – процедил он, едва шевеля губами, – не заходят в общественные бани, ведьма. Мы используем очищающие заклинания. Которые, к слову, не работают из-за твоего проклятого кулона, который глушит мою магию каждые пять минут!

– Ой, началось, – фыркнула Янина. – Плохому танцору и амулет мешает. Ты просто признай, что твой магический аккумулятор сел еще на болоте, когда ты Кикиморе когти полировал.

Огромные золоченые двери тронного зала распахнулись с таким грохотом, что Янина невольно вздрогнула. Внутри было душно. Пахло дорогими благовониями, старым пергаментом и тем специфическим ароматом концентрированного страха, который обычно витает в помещениях, где сидят люди, привыкшие решать чужие судьбы. Король Валериус, мужчина неопределенного возраста с лицом, похожим на печеное яблоко, не сидел на троне. Он стоял у дальней стены, и его спина была напряжена до предела.

– Наконец-то, – выдохнул монарх, оборачиваясь. – Гроуд, ты выглядишь... аутентично. А эта девица — та самая «чистая душа», о которой докладывали мои шпионы?

Янина сделала вид, что делает реверанс, а на самом деле просто пыталась незаметно отлепить мокрый сапог от пола.

– Самая чистая из всех, кто согласился лезть в это болото за ваши деньги, Ваше Величество, – бодро отрапортовала она, игнорируя испепеляющий взгляд Кассиана.

Король не улыбнулся. Он лишь молча указал на стену, перед которой стоял.

Янина подошла ближе и почувствовала, как по спине пробежал настоящий, невыдуманный холод. Древняя каменная кладка, исписанная защитными рунами, была изуродована длинной, рваной трещиной. Из этой щели не просто дуло — оттуда сочилось нечто. Это был не дым и не туман. Это была густая, осязаемая чернота, которая медленно облизывала края разлома, словно пробуя реальность на вкус. Воздух вокруг трещины дрожал, а сами камни покрылись инеем, который не таял, несмотря на жару в зале. Это был Мрак. Первородный, голодный и абсолютно чужой.

– Она растет, – негромко сказал Кассиан. Его голос внезапно лишился всей своей спеси. – Печать Тристана истончилась. Мир буквально трещит по швам, Ваше Величество.

Маг подошел к стене и протянул руку. Его пальцы замерли в паре дюймов от черноты. Янина заметила, как его ладонь начала мелко дрожать. Кассиан коснулся центрального паза в стене, где тускло мерцала пустая выемка в форме звезды.

– Мой амулет, который вы так любезно доставили в мою башню вместе с этой рыжей катастрофой, — это лишь ключ зажигания, — маг обернулся к королю и Янине. — Но чтобы двигатель заработал, нужны свечи. Четыре Алмаза Гроуда. Триста лет назад, прежде чем уйти в спячку, я раздал их своим самым верным союзникам. Я думал, что они сохранят их в своих семьях как величайшее сокровище и залог того, что мир не рухнет.

Он указал на четыре углубления, расположенные вокруг центрального паза.

– Алмаз Стойкости, Алмаз Истины, Алмаз Ярости и Алмаз Милосердия, — Кассиан горько усмехнулся. — По законам симпатической магии, барьер не восстановится, пока все пять камней не будут вставлены в пазы одновременно. Более того, их должны держать четыре разных носителя, чья кровь... или хотя бы намерения, соответствуют сути камней. Это не просто квест, это групповое самоубийство.

Янина почувствовала, как её оптимизм, подогретый мыслями о пяти тысячах золотых, начинает стремительно испаряться.

– погоди, ископаемое, — перебила она. — То есть, одного тебя и твоего блестящего камушка недостаточно? Нам нужно собрать целую банду? Ты хоть понимаешь, сколько времени это займет? Мрак сожрет нас раньше, чем мы найдем первый булыжник!

– Именно поэтому вы выдвигаетесь немедленно, — раздался скрипучий, сухой голос со стороны тени.

Из-за колонны вышел человек, чей вид вызвал у Янины мгновенное желание спрятать кошелек. Это был Королевский Нотариус. Он выглядел как ожившая мумия, обернутая в черный шелк, с пером за ухом и стопкой пергаментов, от которых пахло бюрократическим адом.

– Госпожа Янина, — нотариус поклонился, и в его суставах что-то неприятно щелкнуло. — Я представляю интересы Короны в вопросе исполнения вашего контракта. Позвольте уточнить один крошечный нюанс, который вы, вероятно, пропустили в пункте четыре-двенадцать-три дробь бэ.

Янина прищурилась.

– Какого еще нюанса? Я всё подписала! Пять тысяч золотом если притащу этого заносчивого мага!

– В Договоре написано: по завершении миссии, — нотариус ехидно улыбнулся, обнажая желтые зубы. — А миссией теперь официально считается не просто доставка письма магу, а полное восстановление Барьера Мрака. Включая личную доставку всех четырех алмазов к этой самой стене. В случае вашего дезертирства, попытки скрыться с авансом или... внезапной кончины, все ваши активы, включая хижину на окраине и право на сбор трав, отходят в пользу королевской казны. Вы можете просто никуда не идти, но денег, к сожалению, не получите.

Янина застыла. Её челюсть медленно поползла вниз.

– Вы что, издеваетесь? — выдохнула она. — Да я по пути с этим ворчливым недоразумением либо сама повешусь, либо его придушу! Вы видели его? Он же за каждый чих требует поклонения и ритуального омовения ног!

– Это заноза в моей жизни, — холодно вставил Кассиан, скрестив руки на груди. — Но, к сожалению, её кулон-алмаз каким-то образом связан с моим амулетом. Без неё я не смогу активировать даже первый этап поиска. Она — необходимый балласт. Грязный, язвительный и совершенно невоспитанный балласт.

– Балласт?! — взвизгнула Янина. — Ах ты, Язва перекрашенная! Да если бы не я, ты бы до сих пор в своем лесу грибы пугал своим старческим маразмом! Ваше Величество, я требую надбавки за вредность! У меня от его присутствия уже мигрень и экзема на почве стресса!

Король Валериус тяжело вздохнул и потер виски.

– Господа, мир гибнет. Стена трещит. Мрак скоро начнет выходить в город. А вы ведете себя как супружеская пара после ста лет неудачного брака. Либо вы берете коней, карту и

катитесь за камнями, либо я прикажу замуровать вас в этой стене прямо сейчас. Может, ваши тела послужат неплохой заплаткой.

В зале воцарилась тишина. Янина посмотрела на трещину, из которой вырвался тонкий, ледяной язык тьмы, и на мгновение ей показалось, что она слышит в этом шепоте тысячи голосов, молящих о пощаде. Это было страшно. По-настоящему страшно.

Затем она перевела взгляд на Кассиана. Тот стоял, гордо выпрямившись, хотя грязь на его щеке делала этот пафос комичным. Он был её единственным билетом к богатству. И, возможно, единственным шансом на то, что завтра солнце вообще взойдет.

– Ладно, – буркнула ведьма, – Я помогу спасти наш мир. Но если я сдохну, я вернусь с того света и буду являться тебе в кошмарах, пока ты не выплатишь мой гонорар моим наследникам в лице лешего!

Дворцовые банщики напоминали отряд карателей, вооруженных мочалками из конского волоса и мылом, которое пахло так интенсивно, будто им пытались замаскировать запах недельного разложения целой кавалерийской дивизии. Янину буквально затащили в мраморную купальню, проигнорировав её пламенную речь о том, что болотная грязь — это естественный защитный барьер, а плесень на корсете уже начала приобретать статус домашнего питомца. Её терли с таким остервенением, словно пытались оттереть саму ведьминскую сущность до костей. Вода в огромной лохани быстро превратилась в нечто, напоминающее густой грибной суп, а служанки, судя по их лицам, всерьез опасались, что из этой жижи вот-вот вынырнет Кикимора Кузьминична и потребует добавки.

– Осторожнее с ушами, курицы! – шипела Янина, отплевываясь от розовой пены. – Я вам не антикварная ваза, которую нужно полировать до блеска кошачьих глаз! У меня там за ухом росла уникальная целебная моховка, вы её уничтожили, вандалки!

Служанки лишь синхронно вздыхали, продолжая экзекуцию. В соседнем крыле, судя по доносившимся оттуда приглушенным проклятиям и звону разбитого фарфора, Кассиана подвергали не менее изощренным пыткам чистотой. Янина злорадно представила, как Великого Мага пытаются запихнуть в ванну с уточками, и это единственное соображение позволило ей пережить процесс облачения в парадное платье. Наряд был издевательством над здравым смыслом: узкий лиф сдавливал ребра так, что дышать можно было только короткими, паническими глотками, а юбка была настолько пышной, что в ней легко мог спрятаться небольшой партизанский отряд.

– И как в этом воевать с Мраком? – поинтересовалась она у зеркала, пытаясь разглядеть в отражении хоть что-то, кроме горы шелка и кружев. – Если я упаду, я же не встану. Я просто буду барахтаться, как перевернутый майский жук, пока тьма не поглотит мои панталоны.

Когда двери малой обеденной залы наконец распахнулись, Янина почувствовала себя экспонатом на выставке достижений таксидермии. Кассиан уже был там. Очищенный, выбритый и упакованный в новый камзол цвета полнотного неба с серебряным шитьем, он выглядел до тошноты идеально. Даже его иссиня-черные волосы теперь лежали волосок к волоску, источая тонкий аромат сандала. Но взгляд... О, этот ледяной взгляд голубых глаз обещал Янине медленную и мучительную смерть через прослушивание лекций по истории магии. Кулон на её груди, теперь висящий на тонкой золотой цепочке, коротко кольнул кожу, передавая ей волну его высокомерного раздражения.

– Ты выглядишь как стог сена, на который случайно набросили занавеску из спальни королевы, – негромко произнес Кассиан, когда она с трудом доковыляла до стола.

– А ты выглядишь как надгробие, которое по ошибке натерли воском, Ископаемое, – парировала Янина, плюхнувшись на стул так, что тарелки подпрыгнули. – Мог бы и посочувствовать. У меня корсет такой тугой, что я сейчас вижу цвета, которых нет в природе.

Король Валериус, сидевший во главе стола, выглядел еще более измученным, чем днем. Перед ним стояли два незнакомца, которые при виде вошедших синхронно поднялись. Первый был воплощением всех девичьих грез и рыцарских романов сразу: высокий, широкоплечий, с ослепительной улыбкой, которая, казалось, могла освещать подземелья без факелов. Его золотистые волосы были уложены так безупречно, будто он тратил на это больше времени, чем на тренировки с мечом, а сияющие доспехи под развевающимся плащом отражали свет канделябров.

– Позвольте представить, – устало произнес монарх. – Сэр Леопольд, лучший выпускник Академии Героических Свершений. Он вызвался сопровождать вас и оберегать... э-э... хрупкое женское начало в этом походе.

Леопольд сделал шаг вперед, и Янина почувствовала, как её обдает волной невыносимого парфюма с нотками «отваги и мускуса». Герой изящно подхватил её ладонь и прижался к ней губами, заставив ведьму вздрогнуть от неожиданности.

– Прекрасная дама! – пророкотал он голосом, в котором было столько пафоса, что у Янины зачесались зубы. – Моё сердце обливается кровью при мысли о том, что такая нежная и незащищенная роза вынуждена топтать тропы войны. Клянусь своим мечом, ни одна тень Мрака не коснется вашего подола, пока я дышу!

Янина медленно вытянула руку из его захвата, раздумывая, не стоит ли ткнуть его вилкой для проверки на реальность. Она покосилась на Кассиана, ища в нем хоть каплю солидарности против этого ходячего недоразумения, но маг лишь брезгливо приподнял бровь. От него через ментальную связь пришло четкое ощущение едкого смешка.

– Сэр Леопольд, – Янина натянуто улыбнулась. – Я, конечно, роза, но с шипами, которые могут вызвать гангрену. Так что за подолом следите осторожно, а то еще запутаетесь в кружевах и совершите подвиг об ковер.

Второй гостьей была девушка, чей облик контрастировал с Леопольдом так сильно, как сухая библиотека с рыцарским турниром. Серафина — так её представил король — была одета в идеально отглаженную мантию архивариуса, а на её носу покачивались очки на тонкой цепочке. Вокруг неё, словно назойливое насекомое, порхало магическое самопишущее перо, готовое в любой момент зафиксировать каждое слово. При виде Кассиана глаза девушки вспыхнули фанатичным огнем, какой бывает у коллекционеров редких насекомых при виде особо жирного жука.

– Магистр Гроуд! – она почти задохнулась от восторга, игнорируя Янину так, словно та была частью мебели. – Это... это невероятно! Я прочитала все ваши монологи о дестабилизации эфирных потоков! В вашем труде от двести четырнадцатого года, на странице восемьдесят пять, вы утверждали, что Мрак — это лишь отсутствие воли, но в реальности он проявляет черты эмпатического паразита! Скажите, как вы себя чувствуете после трехсот лет стазиса? Ваша когнитивная функция не пострадала от избытка пыли?

Кассиан заметно дернулся. Он попытался отодвинуть стул, но Серафина уже стояла рядом, заглядывая ему прямо в рот, пока перо неистово строчило в парящем блокноте.

– Моя «когнитивная функция», юная леди, страдает исключительно от вашего присутствия, – отрезал маг, впиваясь пальцами в край стола. – Уберите этот пишущий инструмент, пока я не превратил его в зубочистку для дракона.

– О, какая экспрессия! – восхитилась Серафина, делая пометку в воздухе. – Магистр проявляет признаки пост-стазисного раздражения и вербальной агрессии. Записать: «Великий Гроуд предпочитает лаконичный стиль общения с элементами скрытой угрозы».

Янина не выдержала и громко прыснула, зачерпнув ложкой суп. Это было просто божественно. Кассиан, который привык, что перед ним трепещут или хотя бы молчат, теперь был зажат между восторженной ученой и героическим идиотом.

– Приятного аппетита, Магистр, – подмигнула она ему. – Кажется, ваша «Заноза» — это не самая большая проблема. Теперь у вас есть персональный биограф. Может, она даже опишет процесс того, как вы по утрам боретесь с радикулитом.

– Замолчи, Ведьма, – прошипел Кассиан, бросая на неё яростный взгляд. – Ваше Величество, вы уверены, что этот... состав необходим? Один — ходячая реклама кузнечного дела, вторая — ходячая энциклопедия, которая не затыкается ни на секунду. Мы идем спасать мир или ставить комедийный спектакль для демонов?

– Это лучшие кадры, которые у меня остались, – сухо ответил король Валериус, ковыряя кусок мяса. – Остальные маги либо сбежали в соседнее королевство, либо заперлись в винных погребах, дожидаясь финала. Так что кушайте и привыкайте друг к другу.

Леопольд, решив, что пришло время снова проявить себя, вскочил с места и картинно положил руку на эфес меча.

– Как вы смеете так говорить о дамах, Магистр! – воскликнул он, обращаясь к Кассиану. – Ваша фамильярность в отношении госпожи Янины переходит все границы! Называть её «Язвой» и «Занозой»? Это оскорбление её чести! Я требую, чтобы вы взяли свои слова назад, иначе я буду вынужден вызвать вас на дуэль прямо здесь, среди этих чудесных паштетов!

Янина замерла с открытым ртом. Она посмотрела на Леопольда, потом на Кассиана, чьи глаза начали подозрительно светиться синим, предвещая скорую грозу.

– Слышь, Консервная Банка, присядь, – посоветовала ведьма, пытаясь подавить смех. – Он меня так называет, потому что я действительно заноза в его напыщенной заднице. Это у нас... культурный обмен такой. Ты лучше за своим супом следи, а то он остынет быстрее, чем твой пыл.

– Нет! – Леопольд был непреклонен. – Я вижу в ваших глазах скрытую боль, прекрасная леди! Вы просто слишком скромны, чтобы признать, как этот древний ворчун ранит вашу душу своими колкостями! Магистр, я жду извинений!

Кассиан медленно поднялся. Воздух в зале стал тяжелым, пахнувшим озоном и предчувствием катастрофы. Серафина, ничуть не испугавшись, придвинулась ближе, её перо строчило со скоростью арбалетного болта.

– «Конфликт интересов на почве защиты мнимой чести», – диктовала она. – «Леопольд демонстрирует классический комплекс защитника, в то время как Гроуд аккумулирует ману для вероятного испепеления оппонента. Невероятно ценный материал для главы о деградации социального взаимодействия».

– Сядьте. Оба. – Голос короля был тихим, но в нем прозвучало столько усталости и скрытой угрозы, что даже Леопольд нехотя опустился на стул. – Завтра на рассвете вы покидаете город. Мрак не будет ждать, пока вы выясните, кто из вас благороднее.

Янина окинула взглядом своих будущих спутников. Маг-ископаемое с манией величия, рыцарь с дефицитом серого вещества и девица, которая записывает каждый твой чих. Она почувствовала, как по магической связи от Кассиана пришла одна единственная, четкая и абсолютно искренняя мысль: «Мы все содохнем».

– Знаете что, – Янина отломил кусок хлеба и выразительно посмотрела на короля. – Кажется, Мрак — это самая вменяемая вещь, с которой нам придется столкнуться в этом походе. По крайней мере, он молчит и не лезет целоваться.

Она запила хлеб вином, понимая, что впереди их ждет не просто путешествие, а затяжное состязание нервов, в котором главным призом будет возможность не прибить друг друга раньше, чем наступит конец света.

Рассвет над столицей выдался таким же мутным и неопределенным, как и планы Янины на спокойную старость в окружении золотых слитков. Когда она волокла по дворцовому двору свой баул, камни мостовой недовольно подпрыгивали под его весом. Этот баул был не просто

сумкой, это была экосистема. Из него доносился отчетливый аромат прелого болота, сушеных жабьих лапок и чего-то такого, что заставляло гвардейцев на посту синхронно задерживать дыхание и бледнеть.

– Что это за биологическая угроза, позвольте полюбопытствовать? – раздался над ухом ледяной, как утренняя роса на кладбище, голос Серафины.

Янина замерла, не выпуская из рук драгоценную ношу. Серафина стояла перед ней, сияя стерильно чистой мантией, которая, кажется, сама по себе отталкивала любую пылинку. Её магическое перо уже зависло в воздухе, готовое зафиксировать очередной акт «невежества». Девица выглядела так, будто её только что достали из вакуумной упаковки для особо ценных манускриптов.

– Это, дорогая моя библиотечная моль, называется «набор для выживания», – огрызнулась Янина, поправляя ляжку, которая так и норовила впиться в плечо. – Тут корешки, которые останавливают кровотечение быстрее, чем ты успеешь прочитать заклинание, и жабы, чей яд отпугивает даже самых голодных демонов. Натуральный продукт, между прочим. Без ГМО и магических консервантов.

Серафина брезгливо приподняла край сумки кончиком своей идеально отполированной палочки.

– Это антисанитарный хаос. В научной экспедиции такого уровня мы должны придерживаться стандартов королевской аптеки. У меня с собой концентрированные порошки, дистиллированные эссенции и стерильные бинты, заговоренные на отсутствие микробов. Ваша... «жабья диета» только привлечет лишних паразитов. Предлагаю немедленно утилизировать этот мусор и заменить его компактным набором из Академии.

Янина почувствовала, как внутри закипает праведное негодование. Она шагнула вперед, едва не задев Серафину своим пахнущим тиной плечом.

– Слушай сюда, отличница. Твои порошки хороши для того, чтобы пудрить королевские парики или лечить икоту у изнеженных фрейлин. А когда Мрак перекроет нам поставки еды и твои «эссенции» протухнут от нехватки эфира, ты приползешь ко мне за сушеной лапкой, чтобы не сдохнуть от голода. Это болото кормило меня годами, и оно не подведет сейчас.

– Субъект проявляет патологическую привязанность к органическим отходам, – продиктовала Серафина своему перу, демонстративно игнорируя гнев ведьмы. – Вероятно, это следствие длительного проживания в условиях магической и гигиенической деградации.

– Хватит! – Громовой голос Кассиана заставил обеих девушек подпрыгнуть. – Если вы не прекратите этот базарный спор о ценности дохлых земноводных, я запечатаю ваши рты заклинанием тишины до самой границы.

Маг стоял у коновязи, и его вид был воплощением вселенской скорби. Новый камзол сидел на нем безупречно, но по лицу было видно, что он предпочел бы сейчас находиться в уютном гробу, чем в этой компании. Он окинул взглядом двор, где слуги уже седлали лошадей.

– Мы не будем телепортироваться? – с надеждой в голосе спросила Янина. – Я слышала, великие маги просто щелкают пальцами и оказываются на другом конце света. Или у тебя мана закончилась после того, как ты вчера пытался вспомнить пароль от туалета?

Кассиан посмотрел на неё так, будто она была особо назойливым слизнем.

– Телепортация оставляет в эфире след ярче, чем комета в безлунную ночь. Мрак — это не просто туман, это хищник. Он чувствует мощные всплески магии. Если я перенесу нас четверых, мы станем маяком, на который слетятся все тени в радиусе ста миль. Мы поедем как обычные путники. Медленно, скучно и на четырех ногах. Это называется «скрытность», ведьма. Понятие, которое тебе, судя по запаху твоей сумки, совершенно незнакомо.

Янина хмыкнула, но спорить не стала. В чем-то «Ископаемое» был прав, хотя признавать это было противно.

– Куда мы вообще направляемся? – спросила она, пиная свой баул поближе к лошадям.
– У нас есть какой-то план, кроме как «идти туда, не знаю куда, и не сдохнуть по дороге»?

Кассиан развернул старую, пожелтевшую карту. Его пальцы, унизанные перстнями, дрогнули, когда он коснулся одной из точек.

– Центральный Королевский Архив в Оксенфурт-на-Холме. Это наш единственный шанс. Понимаете ли, я помню только тех, кому отдавал алмазы триста лет назад. Семьи де Гранде, фон Кроули, лорды Железного Пика... Но время — жестокая штука. Династии вымирают, замки рушатся, а фамилии меняются. Я понятия не имею, кто владеет камнями сегодня. Возможно, это обедневшие дворяне, а возможно — торговцы рыбой, которые используют Алмаз Ярости как грузило.

– То есть, мы идем охотиться за призраками? – Янина скептически прищурилась. – Прекрасно. Команда мечты: маг с амнезией, библиотекарьша, я и...

Договорить она не успела, потому что в этот момент во двор, подобно маленькому солнцу, ворвался сэр Леопольд. Он восседал на белоснежном скакуне, чья грива была заплетена в такие сложные косы, что им позавидовала бы любая невеста. Доспехи рыцаря сияли на утреннем солнце так ослепительно, что Янина невольно прикрыла глаза рукой. Но самое страшное было не это. До неё долетела мощная, сбивающая с ног волна парфюма.

– «Победный мускус»? Серьезно? – пробормотала она, чувствуя, как в горле начинает першить.

– С добрым утром, о прекрасные цветы этого опасного пути! – пророкотал Леопольд, эффектно спрыгивая с коня. – Мой верный Буцефал уже бьет копытом, жажда подвигов! Госпожа Янина, позвольте мне помочь вам укротить ваше... э-э... строптивое животное.

Он указал на ворчливую мулицу, которую конюх подвел к ведьме. Мулица выглядела так, будто она презирала этот мир не меньше Кассиана, и при виде Леопольда выразительно оскалила зубы.

– Я сама справлюсь, Консервная Банка, – Янина попыталась отстраниться, но рыцарь уже был рядом. – И вообще, держись от меня подальше со своим одеколоном. У меня на «героизм» аллергия, я сейчас начну чихать огнем.

– Ваша скромность лишь украшает вашу красоту! – Леопольд, проигнорировав протесты, подхватил Янину под локоть, пытаясь «галантно» посадить её в седло. – Оп! Как пушинка! Только будьте осторожны, этот зверь выглядит крайне коварным.

В процессе «помощи» он умудрился задеть баул Янины, из которого с подозрительным хрустом вывалился сушеный хвост ящерицы. Серафина тут же издала звук, похожий на свист закипающего чайника, и бросилась записывать инцидент.

– Запись номер один, – диктовала она, пока её перо бешено плясало в воздухе. – Глава первая: «Начало конца». Группа выдвинулась из дворца. Объект Янина демонстрирует полное отсутствие дисциплины и уважения к герою-сопровождающему. Гигиеническая обстановка в отряде критическая из-за биологических образцов неизвестного происхождения. Магистр Гроуд проявляет стоическое терпение, граничащее с кататонией.

– Сама ты... кататония, – буркнула Янина, наконец устроившись в седле и пытаясь удержать мулицу на месте. – И не смей записывать мои хвосты как «отходы»! Это стратегический запас!

Кассиан, уже сидевший на своем вороном жеребце, тяжело вздохнул и прищипил коня, направляясь к массивным воротам дворца. Кулон на шее Янины внезапно потеплел, передавая ей короткий импульс его раздражения, смешанного с чем-то похожим на обреченность.

– Выезжаем! – скомандовал он. – И ради всего святого, замолчите хотя бы на время проезда через городские ворота. Нам не нужно, чтобы стража думала, будто мы везем в повозке бродячий цирк уродов.

– Это он про тебя, Серафиночка, – ехидно бросила Янина, проезжая мимо архивариуса.
– Ты со своим пером идеально вписываешься в категорию «уродцев».

– Я — научный сотрудник! – вспыхнула та, пришпоривая свою лошадь.

Отряд медленно потянулся по узким улочкам столицы. Город еще только просыпался, но в воздухе уже висело то самое давящее чувство тревоги, которое всегда предшествует большой беде. Жители затворяли ставни, а редкие прохожие провожали их хмурыми взглядами.

– Знаешь, Ископаемое, – крикнула Янина, когда они миновали последние дома. – Чур, за костер в первой же таверне отвечаешь ты. Раз ты такой мастер «скрытной магии», вот и наколдуй нам огонь без дыма и запаха. А я посмотрю, не разучился ли ты пользоваться спичками за триста лет сна.

– Я буду следить за безопасностью периметра, – холодно ответил Кассиан, не оборачиваясь. – А ты, если хочешь ужин, можешь сварить свой баул. Уверен, вкус будет незабываемым.

Янина только хмыкнула, поудобнее перехватывая поводья. Впереди была неизвестность, Мрак и целая куча проблем, но одна мысль грела её больше, чем кулон: пять тысяч дукатов стоили того, чтобы потерпеть это напыщенное общество еще пару недель. Главное — не прибить их всех в первую же ночь.

Глава 4 Дорога к архиву

Дорога напоминала бесконечный кисель, сваренный пьяным поваром из грязи и несбывшихся надежд.

Янина меланхолично наблюдала за тем, как копыта её мулицы погружаются в жижу, издавая звуки, подозрительно напоминающие чавканье лешего после сытного обеда. Пять тысяч золотых — сумма, конечно, приятная, но она явно не учитывала моральный ущерб от созерцания безупречно прямой спины Кассиана на протяжении восьми часов подряд. Это «Ископаемое Высочество» даже в седле умудрялось выглядеть так, будто проглотило антикварную шпагу, в то время как сама Янина чувствовала себя мешком с овсом, который случайно забыли на телеге.

Скука — это яд для ведьмы. Хуже скуки только академическое занудство, которым Кассиан так обильно поливал окружающее пространство, что даже придорожные лопухи начинали вянуть от осознания собственной никчемности.

Нужно было что-то предпринимать, иначе Янина рисковала умереть от истощения сарказма в организме.

– Эй, Магистр, – позвала она, ехидно прищурившись. – А твой конь всегда так подозрительно косит глазом на канавы? Может, он в прошлой жизни был лягушкой?

Кассиан даже не обернулся. Его молчание было таким тяжелым и плотным, что об него можно было точить ножи.

– Твои попытки завязать диалог, ведьма, столь же примитивны, как и твои познания в высшей арифметике, – процедил он, едва шевеля губами. – Сосредоточься на том, чтобы не свалиться в грязь. Это будет лучшим вкладом в нашу миссию.

Янина фыркнула и незаметно сложила пальцы в сложную фигуру «болотного узла».

Небольшое, едва заметное заклинание «копытной чесотки» сорвалось с её ногтей и невидимым серым облачком опустилось на заднюю правую ногу благородного жеребца Кассиана.

Через секунду пафосный черный конь, только что олицетворявший собой величие магии, внезапно вздрогнул. Его нога задергалась в ритмичном конфузе, и животное пустилось в нелепый пляс, подозрительно напоминающий кадрили на сельской ярмарке. Кассиан, не ожидавший такой подставы от собственного транспорта, едва не вылетел из седла, судорожно вцепившись в гриву. Его аристократическая бледность мгновенно сменилась багровым румянцем ярости.

– Ой, глядите-ка! – заголосила Янина, едва сдерживая хохот. – Твой зверь решил сменить профессию на танцора диско? Какая экспрессия! Какое чувство ритма!

– Ты... – Кассиан восстановил равновесие и буквально испепелил её взглядом. – Ты маленькая, мстительная дрянь.

– Я? – Янинаostroила самое невинное лицо, на которое была способна. – Это всё природа, Магистр. Экология нынче не та.

Но Кассиан уже шептал ответную формулу. Он не стал опускаться до банальной подножки. О нет, академики предпочитали изощренные пытки.

В ту же секунду вокруг головы Янины возникло плотное облако. Это были не просто мухи. Это были магические, полупрозрачные твари с ярко-синими крыльями, которые издавали звук, похожий на визг бензопилы в миниатюре. Они не кусали, нет. Они просто летали перед самым носом, синхронно жужжали прямо в уши и зависали в миллиметре от глаз, делая невозможным даже нормальное моргание.

Янина попыталась прихлопнуть одну, но рука прошла сквозь морок, а жужжание только усилилось, приобретая издевательские тональности.

– Ты ведешь себя как дикарка, – негромко сказал маг, глядя на танцующее пламя. – Твои методы неэстетичны. Это магический фастфуд.

– Зато я сыта и в тепле, – парировала Янина. – А ты — голодный эстет. Знаешь, в одной старой книжке было написано: «Когда Мрак придет за твоей душой, он не спросит диплом об окончании Академии. Он спросит, умеешь ли ты кусаться».

Кассиан на мгновение замер. Его голубые глаза блеснули в свете костра.

– «Легенды Серой Пади», – произнес он, и в его голосе впервые не было насмешки. – Третий свиток, глава о падении Последнего Бастиона.

Янина вскинула голову, едва не выронив палку, которой ворошила угли.

– Ты... ты читал это? – она недоверчиво прищурилась. – Но ведь Архимаги запретили этот сборник еще сто лет назад! Сказали, что там слишком много «деструктивного пессимизма и бытовой ереси».

– И «непозволительного сочувствия к темным сущностям», – Кассиан неожиданно для самого себя улыбнулся — едва заметно, одними уголками губ. – Там есть продолжение этой фразы: «...ибо Мрак — это лишь отражение твоей собственной невысказанной боли, облеченной в форму чудовища».

Янина закончила фразу шепотом, слово в слово вместе с ним.

Наступила тишина, в которой слышно было только, как капли дождя разбиваются о магический барьер мага. Серафина в углу пещеры что-то яростно строчила в своем блокноте, а Леопольд что-то бурчал, прислонившись к стене, но эти двое сейчас казались лишь декорациями.

Янина смотрела на Кассиана и видела не ворчливое «Ископаемое», а человека, который, оказывается, прятался за своими рунами так же, как она пряталась за своими колючками. Ей стало неловко от того, что она только что почувствовала через кулон — волну его горького одиночества, которое было таким же глубоким, как её собственное желание спрятать все сокровища мира в один сундук.

– У тебя ужасный вкус на литературу, ведьма, – первым нарушил молчание Кассиан, возвращая на лицо привычную маску высокомерия. – Эта книга — мусор.

– Конечно, – хмыкнула Янина, поправляя мокрые волосы. – Полный мусор. Поэтому ты помнишь её наизусть через триста лет.

– Я просто обладаю феноменальной памятью, – отрезал он. – И это не повод думать, что у нас есть что-то общее.

– И в мыслях не было, Ваше Нуднейшество, – Янина демонстративно зевнула. – Я просто подумала, что если ты такой начитанный, то должен знать, что в той же главе советовали подкладывать еловые ветки под спину, чтобы не ныли кости.

– Я не нуждаюсь в советах из сомнительных источников, – буркнул Кассиан, но Янина заметила, как он незаметно придвинул к себе охапку сухой хвои.

Они сидели по разные стороны костра, разделенные пламенем и сотнями лет разного опыта. Но Мрак, шептавший снаружи, за стеной дождя, казался теперь чуть менее страшным. Ведь где-то там, под слоями пафоса и колючек, они оба знали одну и ту же правду.

Кулон на груди Янины медленно остывал, оставляя после себя приятное, почти домашнее тепло.

Дождь снаружи наконец перешел в унылое хлюпанье, но уютнее не стало. Единственным источником тепла оставался костер, который Янина умудрилась разжечь вопреки всем законам физики и недовольному сопению Кассиана. Однако настоящая пытка началась, когда сэр Леопольд, вылив воду из своих сапог и развесив плащ на сталагмите, решил, что наступило идеальное время для «поднятия боевого духа». Он извлек из-под доспехов помятый свиток и, приняв позу героического памятника самому себе, начал декламировать.

– И вышел рыцарь в поле на заре, сжимая меч, что чище серебра! – голос Леопольда раскатисто вибрировал под сводами, заставляя уши Янины сворачиваться в аккуратные трубочки. – Его доспех сиял в густом костре... тьфу, в густой заре... О, Рыцарь Пяти Добродетелей, не ведающий страха и добра!

– Подожди, – прервала его Янина, не в силах сдержать гримасу. – «Не ведающий добра»? Это что, баллада про маньяка-рецидивиста, который забыл помыть руки перед обедом? И как это — доспех сиял в заре, если он уже в поле на заре? У него там что, персональный осветитель за кустами прячется?

Леопольд на мгновение сбился, нахмутив свои идеально выщипанные брови, но тут же продолжил с удвоенным пафосом.

– Вы не понимаете метафор, госпожа Янина! Слушайте же финал! «Он встретил Мрак с улыбкой на устах, и тьма бежала, видя сей порыв! Его душа не знала слова "крах", пока в груди звучал любви призыв!»

Янина покосилась на Кассиана. Маг сидел, подперев голову рукой, и в его глазах читалась такая глубокая, экзистенциальная скорбь, что ей на секунду стало его жалко. Но только на секунду. Через ментальную связь от него прилетела короткая, как выстрел, мысль: «Убейте меня. Или его. Желательно обоих». Она не удержалась и послала ответный импульс, сдобренный изрядной порцией ехидства: «Ну что ты, Ископаемое, это же классика. Давай поможем мальчику с рифмой, а то у него "призыв" с "порывом" коррелирует как твои манеры с дружеским».

– И тьма бежала, в ужасе икая, – вслух подхватила Янина, глядя прямо в глаза опешившему рыцарю.

– Узрев, что рыцарь — личность непростая, – неожиданно низким, бархатистым голосом продолжил Кассиан, даже не меняя позы.

– Он пел так громко, уши затыкая! – добавила ведьма, едва не приснув.

– Что Мрак скончался, ритма не зная... – закончил маг, и его губы дрогнули в подобии усмешки.

Леопольд замер со свитком в руках. Его лицо медленно приобретало оттенок спелой свеклы, а губы обиженно задрожали. Он посмотрел на Янину, затем на Кассиана, который внезапно оказался в пугающем единодушии с «этой рыжей разбойницей», и тяжело вздохнул. В его представлении героический поход должен был выглядеть иначе: дамы падают в обморок от его баллад, а мудрые маги одобрительно кивают, поглаживая бороды. Вместо этого он столкнулся с двумя циниками, которые превратили его шедевр в частушки для портовых кабаков.

– Вы... вы черствые люди! – пафосно воскресил он остатки достоинства. – Искусство — это свет, ведущий нас сквозь тьму, а вы... вы просто гасите его своими колкостями! Я уйду спать. Мой Буцефал и то больше понимает в поэзии, чем вы оба вместе взятые!

Рыцарь демонстративно завернулся в свой сырой плащ, отвернулся к стене и через пару минут огласил пещеру храпом, который по мощности вполне мог соперничать с его декламацией. Серафина, до этого момента неистово записывающая каждое слово в свой блокнот, разочарованно вздохнула — конфликт исчерпал себя слишком быстро. Она подтянула одеяло и тоже вскоре затихла, оставив Янину и Кассиана наедине с догорающим костром.

– Наконец-то, – выдохнула Янина, подбрасывая в огонь очередную ветку. – Я думала, он начнет второй том про «Рыцаря Смирения и Чистых Портянок». Слушай, Ископаемое, а ты неплохо рифмуешь для человека, который провел триста лет в компании книжной пыли и собственных амбиций.

Кассиан медленно поднял взгляд. Огонь отражался в его зрачках, делая их похожими на два драгоценных сапфира, брошенных в костер. Его лицо в полумраке казалось еще более бледным, а резкие тени придавали ему вид древнего изваяния, которое случайно ожило и теперь мучительно соображает, зачем ему это нужно.

– В Академии нас учили, что магическое слово должно быть точным, – произнес он, и в его голосе больше не было той привычной колючей надменности. – Поэзия — это тоже своего рода формула. Если она фальшивая, она не работает. Леопольд... он фальшивит в каждой букве.

– Как и твои учебники? – Янина подтянула колени к подбородку, глядя на него сквозь дым. – Ты ведь поэтому читал те запрещенные легенды? Там, в «Серой Пади», всё было по-настоящему. Боль, страх, грязь... и никакой «золотой зари», только честное одиночество. Почему ты там был, Кассиан? Великий Гроуд, надежда человечества, любимец королей... и вдруг — подвалы с запрещенными свитками?

Маг молчал долго. Так долго, что Янина уже решила, что он снова включит режим «я — памятник, иди к лешему». Но кулон на её шее вдруг стал нестерпимо холодным. Это не был холод льда, это был холод пустого, огромного зала, где не слышно ничьих шагов, кроме собственных. Она почувствовала этот резонанс — тягучее, серое чувство заброшенности, которое Кассиан годами прятал под слоями синего бархата и сложных заклинаний.

– Академия — это не школа, – наконец сказал он, и его голос звучал так, будто он продирался сквозь вековые завалы памяти. – Это тюрьма для тех, кто слишком много может. Нас учили быть инструментами. Символами. Мы должны были сиять, как тот идиотский рыцарь из баллады, и никогда не показывать, что нам страшно или... скучно. Я читал те книги, потому что их авторы не боялись признаться, что магия — это не только дар, но и проклятие, которое отрезает тебя от мира живых людей.

Он посмотрел на свои руки, украшенные перстнями, которые сейчас казались ему тяжелыми кандалами.

– В тех текстах я находил подтверждение тому, что я не сумасшедший, – продолжал он, глядя в огонь. – Что чувствовать пустоту внутри, когда все вокруг поют о твоем величии — это нормально. Это был единственный способ не сойти с ума от тишины, когда за стенами библиотеки шумела жизнь, к которой мне не было доступа. Я был ископаемым еще тогда, Янина.

Янина почувствовала, как в её собственном горле встал комок. Она всегда считала себя изгоем, ведьмой с окраины, которую все боятся и презирают. Она гордилась своим одиночеством, считая его признаком силы и независимости. Но глядя на Кассиана, она вдруг поняла, что его одиночество было куда страшнее. Её мир был маленьким, но живым, полным леших, кикимор и честной болотной грязи. Его мир был бесконечным, стерильным и абсолютно мертвым.

Через кулон к ней пришла волна его удивления. Он почувствовал её сочувствие — не ту слащавую жалость, которую он привык презирать, а нечто мягкое, понимающее, словно кто-то теплым одеялом укрыл его замерзшую душу. Это было так непривычно, что маг невольно вздрогнул.

– Значит, мы с тобой два сапога пара, – тихо произнесла Янина, пытаясь разрядить обстановку привычным юмором. – Одно Ископаемое и одна Дикарка. Мир нас не понимает, поэтому мы решили его спасти, чтобы он и дальше мог нас не понимать. Логично, ничего не скажешь.

Кассиан резко вскинул голову, и его взгляд снова стал колючим и холодным. Маска вернулась на место с пугающей быстротой, словно он испугался той секундной слабости, которую позволил себе проявить.

– Не сравнивай нас, ведьма, – отрезал он, и в его голосе снова зазвучал металл. – Твоя «дикость» — это отсутствие дисциплины, а моё положение — результат вековой ответственности. И то, что я когда-то читал сомнительную литературу, не делает нас союзниками по несчастью. Это была лишь... академическая любознательность.

– Конечно-конечно, – Янина язвительно хмыкнула, хотя внутри всё еще вибрировало эхо его боли. – Академическая любознательность в особо крупных размерах. Ладно, не кипятись, а то твой барьер начнет искрить, а мне еще хочется доспать до рассвета без магических фейерверков над головой.

Она поудобнее устроилась на своей сумке, чувствуя, как огонь постепенно затухает. Кассиан остался сидеть неподвижно, его взгляд был прикован к тлеющим углям. Он выглядел суровым и неприступным, но Янина знала — теперь она знала точно — что за этим ледяным фасадом скрывается не просто маг, а человек, который так же сильно, как и она, боится остаться совсем один в наступающей тьме. Кулон на её груди продолжал едва заметно пульсировать, передавая ей остатки его смятения, и эта странная связь пугала её сейчас куда больше, чем весь Мрак, затаившийся снаружи.

Утро в лагере под скальным навесом началось не с пения лесных птиц, а с бодрящего лязга доспехов и запаха пережаренного бекона, который агрессивно пытался вытеснить аромат мокрой хвои. Сэр Леопольд, казалось, вообще не нуждался в отдыхе; он сиял на фоне серых скал, как начищенный медный таз, выставленный на витрину в базарный день. У него даже волосы после ночевки в пещере умудрялись лежать безупречной волной, что Янина сочла личным оскорблением, учитывая, что её собственная шевелюра напоминала воронье гнездо после прямого попадания молнии.

– О, прекрасная леди Янина, позвольте скрасить ваше пробуждение этим скромным подношением! – пророкотал Леопольд, протягивая ведьме тарелку, на которой бекон был выложен в форме пронзенного стрелой сердца. – Путь наш тернист, но даже в тени Мрака истинная красота должна вкушать лишь самое лучшее!

Янина лениво приоткрыла один глаз, оценивая масштаб трагедии. Бекон был подозрительно черным по краям, но само внимание рыцаря действовало на её самолюбие как теплая грелка на застуженную поясницу. Она выпрямилась, приняв вид снисходительной императрицы, случайно оказавшейся на пикнике с прислугой. Одним изящным движением — ну, настолько изящным, насколько позволяла затекшая спина — она приняла тарелку, одарив рыцаря взглядом, от которого у того должны были вырасти крылья за спиной.

– Благодарю, сир Леопольд. Ваше рвение похвально, – величественно произнесла она, вонзая вилку в сердце из свинины. – Редкий мужчина понимает, что ведьма без завтрака — это стихийное бедствие, по сравнению с которым Мрак кажется просто легким недоразумением.

На другом конце костра, примостившись на плоском камне, Кассиан едва не подавился своим пресным травяным отваром. Этот напиток, по его мнению, был единственной достойной вещью в их скудном рационе, поскольку не содержал в себе ни пафоса, ни лишних калорий. Наблюдая за тем, как «Рыжее Бедствие» благосклонно принимает ухаживания этого ходячего недоразумения в латах, великий маг почувствовал, как внутри него закипает что-то, подозрительно похожее на изжогу от чужой глупости.

«Это просто невыносимо, – думал Кассиан, сжимая кружку так, что костяшки пальцев побелели. – Он кормит её с рук, как прирученную гиену, не понимая, что эта девица в ответ может только проклясть его род до седьмого колена или, что более вероятно, незаметно вытащить золотые пуговицы из его поддоспешника. Благородный порыв, потраченный на болотную занозу! Это же преступление против логики и здравого смысла. Она же не женщина, она — ходячая магическая аномалия с дурным характером и аппетитом саранчи».

Не в силах больше сдерживать академический зуд, Кассиан поставил кружку на камень и обратился к Леопольду ледяным тоном наставника, который обнаружил, что его лучший ученик пытается съесть учебник вместо того, чтобы его выучить.

– Сэр Леопольд, я искренне восхищен вашей способностью игнорировать реальность, – процедил маг, поправляя идеально чистые манжеты. – Вы ищете идеал там, где его никогда

не было и быть не может по определению. Пытаться найти благородство в этой... особе — это всё равно что искать жемчуг в навозной куче. Вы тратите свои силы на мираж, который при первой же возможности обменяет вашу верность на мешок медных монет.

Янина, пережевывая бекон, лишь сладко прижмурилась. Она чувствовала через кулон, как Кассиана буквально раздирает от раздражения, и это осознание доставляло ей почти физическое удовольствие. Каждая его едкая реплика была для неё как приправа к завтраку — острая, бодрящая и совершенно бесплатная.

– О, Магистр, вы просто завидуете, – протянула она, облизывая палец. – Ваше «Ископаемое Высочество» привыкло к пыльным свиткам, которые не умеют говорить «спасибо» за завтрак. А сир Леопольд — человек действия. Он видит мою... хрупкую натуру.

– Хрупкую? – Кассиан издал звук, похожий на подавленный кашель. – В вас столько же хрупкости, сколько в осадном таране, дорогая моя. И столько же коварства.

В этот момент Серафина, которая до этого момента была занята тем, что протирала свои очки специальной тряпочкой из шелка магических пауков, решительно вмешалась в дискуссию. Она чувствовала, что научный диспут заходит в тупик, а значит, пора было прибегнуть к точным измерениям. Из недр своей необъятной сумки она извлекла артефакт-вычислитель — сложную конструкцию из вращающихся латунных колец и мерцающих кристаллов, которую она ласково называла «Синастрический Сфигмоманометр».

– Эмоциональные оценки субъективны и ненаучны, – заявила Серафина, настраивая прибор с такой сосредоточенностью, будто собиралась вскрывать сейф мироздания. – Магистр, вы опираетесь на предубеждения. Я провела предварительные расчеты на основе ваших аурических сигнатур за вчерашний вечер. Цифры не лгут, в отличие от людей.

Она нажала на центральный кристалл, и прибор издал мелодичный звон, выбросив в воздух несколько цифр, сотканых из золотистого света.

– Совместимость госпожи Янины и сэра Леопольда составляет шестьдесят четыре процента, – бесстрастно объявила архивариус, игнорируя торжествующий кивок рыцаря. – Это очень даже много! Классический союз «Герой и Спасенная им Проблема». Достаточно устойчивый союз.

Серафина сделала паузу, поправляя очки, и бросила быстрый, почти ревнивый взгляд на Кассиана.

– Для сравнения, мой собственный коэффициент совместимости с Магистром Гроудом имеет прочную базу в пятьдесят шесть процентов. Это обусловлено общностью интеллектуальных интересов и взаимным уважением к тишине. Как видите, логика торжествует.

Кассиан, чье терпение уже давно балансировало на грани пропасти, окончательно потерял самообладание. Его задело не то, что его «база» с Серафиной была ниже, чем у рыцаря с ведьмой, а само предположение, что его жизнь можно измерить какими-то латунными кольцами. Кроме того, высокомерие требовало окончательного и документально подтвержденного доказательства того, что между ним и этой рыжей катастрофой нет и не может быть ничего общего.

– Это абсурд! – рявкнул он, поднимаясь во весь рост. – Серафина, ваш прибор — это игрушка для салонных гаданий! Если вы хотите доказать несостоятельность ваших вычислений, рассчитайте мою совместимость с этой... ведьмой. Я уверен, результат уйдет в такой глубокий минус, что ваш артефакт просто расплавится от когнитивного диссонанса. Это окончательно закроет вопрос о нашем «соседстве».

Серафина нахмурилась, но спорить не стала. Она перенастроила кольца, направив сенсорный кристалл сначала на Кассиана, а затем на Янину, которая с любопытством наблюдала за процессом, продолжая жевать бекон. Прибор задрожал. Его кольца начали вращаться с такой скоростью, что превратились в сплошное блестящее марево. Раздался нарастающий гул, похо-

жий на жужжание рассерженного роя пчел, и вдруг — тишина. В воздухе над поляной вспыхнули огромные, пульсирующие багрянцем цифры: 98%.

На секунду в лагере воцарилась такая тишина, что было слышно, как падает капля росы с ближайшего листа лопуха. Кассиан замер, глядя на цифры так, будто они были смертным приговором, вынесенным лично ему без права на апелляцию. Его ментальная паника была настолько мощной, что Янина поперхнулась, почувствовав через кулон настоящий взрыв ледяного ужаса, смешанного с полным неверием.

– Девяносто... восемь? – прошептал Кассиан, и его голос сорвался на высокой ноте. – Это... это технически невозможно! Это фатальный сбой! Серафина, вы понимаете, что вы надепали? Ваш прибор испорчен влажностью! Болотные миазмы просочились в кристалл и исказили эфирные потоки!

Он начал метаться по поляне, размахивая руками и едва не сбивая Леопольда, который стоял с открытым ртом. Его лицо приобрело пунцовый оттенок, а магическая мантия начала искриться, выдавая крайнюю степень возмущения.

– Девяносто восемь процентов — это практически магический резонанс душ! – задыхаясь от негодования, продолжал Кассиан. – Как у двух половинок одного целого! Вы только посмотрите на неё! Она — воплощение хаоса, антисанитарии и меркантильности! Я — хранитель порядка, древних знаний и дисциплины! Мы — противоположные полюса! Мы не можем иметь ничего общего! Это саботаж! Янина, признавайся, ты применила какое-то деревенское заклинание морока на прибор?

Янина, отойдя от первого шока, медленно расплылась в самой вредной из своих улыбок. Она чувствовала, как кулон на её груди начал пульсировать с пугающей, почти согласной теплотой, подтверждая верность цифр. Это было слишком забавно, чтобы просто промолчать.

– Ну что ты так кричишь, Ископаемое? – сладко пропела она, отряхивая крошки бекона с колен. – Может, прибор просто сочувствует твоему бескрайнему одиночеству? Видит, как тебе нужен кто-то живой, чтобы окончательно не превратиться в пыльный манускрипт. Цифры не лгут, сам же слышал. Смирись, мы с тобой — идеальная пара для апокалипсиса.

– Это не пара! Это катастрофа! – Кассиан остановился перед ней, его глаза метали синие молнии. – Я найду ошибку в твоих вычислениях, Серафина! Я разберу этот артефакт на атомы и докажу, что он неисправен! Это оскорбление для моей репутации!

Серафина выглядела так, будто её ударили пыльным мешком по голове. Она лихорадочно перелистывала блокнот, бормоча что-то о «неучтенных переменных эмпатического резонанса». Леопольд же пребывал в глубоком трауре, осознав, что его 64% выглядят жалко на фоне этого магического взрыва.

Кассиан, поняв, что дальнейшие оправдания делают его только смешнее, резко развернулся и направился к своей лошади. Его движения были рваными, а спина выражала такую степень высокомерной обиды, что её можно было почувствовать на расстоянии мили.

– Хватит цирка, – бросил он через плечо, пытаясь вернуть остатки авторитета. – Мы теряем время. Собирайтесь. Мрак не будет ждать, пока вы наслаждаетесь своими ложными процентами. Пойдем, язва.

Янина легко вскочила на ноги, подхватывая свой тяжелый баул. Она чувствовала, что этот день будет куда интереснее, чем она планировала. Подойдя к своей мулице, она ловко запрыгнула в седло и пришпорила животное, нагоняя мага.

– Иду-иду, вредный маг, – весело откликнулась она, подмигивая поникшему Леопольду. – Не ворчи, а то совместимость упадет до девяноста семи, и я буду очень расстроена.

Глава 5 Цитадель архива

Оксенфурт-на-Холме выглядел так, будто его каждое утро вылизывали языками три тысячи девственниц, одержимых чистотой. Черепица на крышах сияла под лучами солнца с такой силой, что у Янины начали слезиться глаза, а мостовая была настолько ровной, что по ней было страшно идти в своих забрызганных болотной жижей сапогах. Город буквально источал запах старых денег, дорогого парфюма и высокомерия, которое здесь, кажется, выдавали вместо вида на жительство.

Это было невыносимо.

Янина поправила свой баул, который на фоне местных дам в кружевных чепчиках смотрелся как куча мусора, и злобно сплюнула на идеально чистый тротуар. Кассиан, напротив, чувствовал себя в этой атмосфере как рыба в воде, или, скорее, как ожившая статуя в антикварном магазине. Он шел впереди, гордо выпрямив спину, и даже грязь на его плаще умудрялась выглядеть как стильный элемент декора, а не результат падения в канаву.

– Смотрите, не ослепните от собственного величия, Магистр, – буркнула ведьма.

Когда они наконец доползли до гостиницы «Позолоченное перо», Янина поняла, что их приключения только начинаются. Здание напоминало не отель, а небольшой дворец, где даже у швейцара на входе было выражение лица такое, будто он лично изобрел магию. Консьерж-маг, мужчина с носом, задраным так высоко, что он мог предсказывать погоду по облакам, окинул их группу взглядом, полным искреннего соболезнования.

– Мы не принимаем... – он сделал паузу, мучительно подбирая слово, – кочующие группы любителей экзотических удобрений.

Кассиан медленно, с каким-то садистским наслаждением, извлек из складок камзола тяжелую королевскую печать. Он не сказал ни слова, просто припечатал документ к полированной столешнице и посмотрел на консьержа своим фирменным ледяным взглядом, от которого в радиусе пяти метров завяли декоративные орхидеи. У того мгновенно случился приступ верноподданнического паралича, и он, заикаясь, сообщил, что свободные номера чудом нашлись, хотя «контингент сегодня крайне изысканный».

– Живо, – процедил Кассиан.

Выяснилось, что из-за наплыва знати им выделили всего два номера, причем один из них представлял собой люкс с двумя спальнями и – о ужас – смежной ванной комнатой. Стоило двери за ними закрыться, как в воздухе запахло грозой. Янина и Кассиан замерли в коридоре, глядя на единственную дверь в купальню с таким выражением, будто за ней находился Грааль или, по меньшей мере, годовая выручка королевской казны.

– Только через мой труп, – заявила Янина.

– Это заманчивое предложение, ведьма, но я не мылся триста лет в нормальной лохани, – парировал Кассиан, делая шаг к двери.

Янина действовала на инстинктах, накопленных за годы борьбы с Лешим за лучшие грибные поляны. Она незаметно щелкнула пальцами, прошептав под нос короткое проклятие «мыльного катка». В ту же секунду под ногами Кассиана пол превратился в каток, смазанный жиром. Великий Маг, не ожидавший такой низости, взмахнул руками, описывая в воздухе нелепую дугу, и с глухим стуком приземлился на пятую точку, проехав по инерции до самой кровати.

– Победа! – взвизгнула Янина и, не теряя ни секунды, ворвалась в ванную, захлопнув дверь на засов.

Внутри всё было в золоте, мраморе и пахло лавандой, что заставило ведьму на мгновение забыть о ненависти. Она сбросила свои грязные тряпки и погрузилась в горячую воду, чувствуя,

как болотная усталость наконец-то покидает её грешное тело. Это был рай, прерываемый лишь яростным стуком Кассиана в дверь и его обещаниями превратить её в садового гнома, если она не вылезет через пять минут.

– Потерпишь, Ископаемое! – крикнула она, ныряя с головой.

Когда спустя час Янина, раскрасневшаяся и довольная, потянулась к вешалке за полотенцем, её ждал сюрприз. Она схватила мягкую, пушистую белую ткань, но стоило ей прикоснуться к нему, как полотенце просто растворилось в воздухе, оставив после себя лишь облако искрящейся пыли и издевательский смех Кассиана, донесшийся из-за двери. Это была мастерски сплетенная иллюзия, абсолютно неосязаемая и совершенно бесполезная.

– Ах ты, моль нафталиновая! – заорала Янина, дрожа от холода.

Она осталась стоять посреди мраморного великолепия, мокрая, голая и без единого шанса на сушку. В ярости ведьма решила прибегнуть к радикальным мерам: она сложила ладони лодочкой и выпустила мощный поток магии воздуха, смешанной с огненным шепотом. Это была так называемая «взрывная сушка» — метод эффективный, но крайне непредсказуемый. Раздался хлопок, похожий на взрыв маленькой петарды, и ванную заполнил пар.

Результат был катастрофическим.

Её волосы, и без того непослушные, под действием магического статического электричества превратились в гигантский, наэлектризованный рыжий шар. Янина посмотрела в зеркало и увидела там не ведьму, а взбесившееся перекаати-поле или очень злого одуванчика, который только что выжил после удара током. Каждый волосок стоял дыбом, создавая вокруг её головы нимб безумия, который отказывался опускаться даже под тяжестью рук.

– Ну всё, ты за это ответишь, – прошептала она, задыхаясь от злобы.

Янина приоткрыла дверь и, убедившись, что Кассиан отошел к окну в своей комнате, прошмыгнула внутрь. На спинке его кресла висел шедевр портновского искусства — халат из тяжелого темно-синего шелка, расшитый серебряными звездами, которые, казалось, мерцали сами по себе. Это была его любимая вещь, пахнувшая сандалом и магической спесью. Не раздумывая, Янина схватила халат и влезла в него, затянув пояс так туго, что чуть не перерезала себя пополам.

Халат был велик ей на три размера, рукава свисали ниже колен, а подол волочился по полу, как королевский шлейф.

– Эй, Магистр! – крикнула она, распахивая двери в его спальню с таким видом, будто она была хозяйкой этого мира.

Кассиан обернулся, готовясь высказать всё, что он думает о её манерах, но слова застряли у него в горле. Он увидел рыжее чудовище с головой-шаром, упакованное в его самый дорогой, «неприкосновенный» шелк, который он берег для особых случаев. Маг медленно начал багроветь, его губы задрожали, а в глазах отразилась такая смесь шока и праведного гнева, что Янина даже на секунду испугалась.

– Ты... ты... – он начал заикаться, не в силах закончить фразу.

– Что «я»? – Янина подбоченилась, отчего её прическа колыхнулась, как живое существо. – Твоё полотенце было бракованным, так что я взяла компенсацию. Тебе идет этот цвет, но на мне он смотрится куда более... революционно. Скажи спасибо, что я не использовала твой камзол вместо коврика для ног.

Кассиан сделал шаг вперед, его пальцы непроизвольно сжались, и в этот момент кулон на груди Янины буквально взорвался жаром. Через ментальный резонанс на неё обрушилась лавина его чувств: там не было ненависти. Там было дикое, обжигающее смущение, смешанное с каким-то странным, почти болезненным восхищением её наглостью. Его мысли путались, он не знал, куда смотреть — на голые щиколотки, выглядывающие из-под подола, или на этот нелепый рыжий нимб.

– Это... это негигиенично! – наконец выдавил он, отводя взгляд. – Сними немедленно! Этот шелк заряжен защитными рунами, он не предназначен для... для одуванчиков!

– Обойдешься, – отрезала ведьма и направилась к выходу в обеденный зал.

На обеде Янина принципиально не стала переодеваться. Она восседала во главе стола в роскошном халате, рукава которого постоянно попадали в тарелку, и с прической, которая мешала официантам подходить ближе чем на метр. Леопольд, увидев её в таком виде, сначала уронил нож, а потом расплылся в восторженной улыбке, явно приняв этот образ за новую столичную моду.

– О, леди Янина! Ваша смелость в выборе нарядов поражает! – воскликнул рыцарь, принявшись усердно очищать для неё яблоко. – Вы похожи на дивную экзотическую птицу, попавшую в шелковые сети!

– Скорее на мокрую курицу, укравшую чужое гнездо, – пробормотала Серафина, не отрываясь от своего магического пера, которое уже зафиксировало «инцидент с халатом» как главу об упадке морали. – Магистр, ваши показатели стресса превышают норму. Рекомендую выпить успокоительного настоя.

Кассиан сидел напротив Янины, подчеркнуто игнорируя её присутствие, хотя его пальцы нервно барабанили по скатерти. Он старался выглядеть официально, но каждый раз, когда Янина картинно откидывала рукав его халата, чтобы зачерпнуть суп, он издавал тихий стон. Наконец, он откашлялся и развернул на столе карту Оксенфурта, стараясь перевести разговор в деловое русло.

– Хватит паясничать. Наша цель — Центральный Королевский Архив, – голос мага звучал сухо, но амулет продолжал выдавать его внутреннее смятение. – Нам нужно найти записи о потомках тех, кому я передал Алмазы. Алмаз Стойкости, Алмаз Истины, Алмаз Ярости и Алмаз Милосердия. Если нам повезет, их владельцы всё ещё живут в черте города или в ближайших поместьях.

Серафина педантично заносила имена в свой список, пока Леопольд пытался накормить Янину дольками яблок с кончика ножа.

– Мы выдвигаемся немедленно, – Кассиан поднялся, бросая на ведьму последний испепеляющий взгляд. – И постарайся хотя бы по дороге в архив не украсть здание ратуши. И сними, ради всего святого, мой халат. Ты в нем выглядишь как дикарка, которая ограбила палатку торговца шелком.

– А мне нравится, – Янина гордо вскинула подбородок, и её волосы-шар забавно спружинили. – В нем я чувствую себя почти такой же важной и занудной, как ты. Иди уже, Ископаемое, а то Архив закроется на обед раньше, чем ты вспомнишь дорогу.

Наконец-то, Янина стащила с себя этот проклятый шелк.

Она с почти физическим облегчением влезла в свой привычный дорожный костюм — потертые кожаные штаны, жилет со множеством потайных карманов и сапоги, которые видели столько грязи, что могли бы написать об этом мемуары. Шелковый халат Кассиана, ставший причиной утреннего скандала, был небрежно брошен на кровать. Ведьма критически осмотрела себя в зеркале: волосы всё ещё слегка топорщились, напоминая о неудачном магическом эксперименте в ванной, но это уже не выглядело как попытка самоубийства одуванчика.

– Ну что, Ископаемое, готов признать, что в этом я выгляжу куда более угрожающе для мирового зла, чем в твоих занавесках? – громко крикнула она в соседнюю комнату, затягивая ремни на корсете.

Кассиан появился в дверях, выглядя так, будто его только что заставили съесть лимон целиком, причем вместе с кожурой и косточками. Он окинул её наряд взглядом, в котором читалось всё презрение трехсотлетней аристократии.

– Твои взгляды на моду, Янина, настолько же узки, насколько широк твой дефицит воспитания, – процедил маг, поправляя безупречный воротник своего камзола. – Это не одежда, это вызов здравому смыслу. Как можно идти в Центральный Архив в чем-то, что пахнет болотом и нечистой совестью?

– Совесть у меня идеально чистая, я ей почти не пользуюсь, – парировала Янина, подмигивая своему отражению. – А штаны... штаны — это символ свободы. Ты попробуй в своем расшитом золотом великолепии залезть на верхнюю полку за свитком, не порвав гульфик. Тот же!

Их путь к Центральному Архиву Оксенфурта-на-Холме напоминал парад противоположностей.

Впереди шествовал Кассиан, гордо подняв подбородок и игнорируя восторженные вздохи столичных девиц. Следом за ним, то и дело спотыкаясь о собственные шпоры, семенил сэр Леопольд, который всё еще пытался сочинить оду «Рыжему Одуванчику в Шелках». Замыкали шествие Серафина, лихорадочно строчившая в блокноте заметки о «пагубном влиянии ведьминского прикида на ауру Магистра», и Янина, которая откровенно наслаждалась тем, как её грубые сапоги портят столичную тишину.

Здание Архива встретило их запахом, который Янина узнала бы из тысячи: смесь разлагающегося пергамента, вековой пыли и бюрократического отчаяния.

Это был настоящий лабиринт из стеллажей, уходящих в бесконечную высоту, где свет магических ламп едва пробивался сквозь плотную взвесь пылинок. Серафина тут же издала восхищенный писк и скрылась в секции генеалогии, увлекая за собой Леопольда, которому было приказано держать лестницу и не дышать на ценные экспонаты.

– Нам нужно сосредоточиться, – Кассиан взмахнул рукой, и в воздухе перед ним заструились золотистые нити. – Я сплету поисковую сеть на основе резонанса крови моих древних союзников. Если в их жилах течет хоть капля того же упрямства, что и триста лет назад, магия укажет на их нынешнее местоположение.

Маг закрыл глаза, его лицо стало сосредоточенным и почти пугающе красивым в тусклом свете архива.

Янина скептически хмыкнула.

– Пока ты будешь щекотать мироздание своими рунами, я займусь делом, – пробормотала она, направляясь к полкам с налоговыми реестрами и имущественными спорами. – Магия — это, конечно, пафосно, но жадность — двигатель более надежный. Люди могут забыть про свои клятвы великим магам, но они никогда не забудут заявить о праве собственности на блестящий булыжник.

Началась интеллектуальная дуэль.

Кассиан величественно парил над каталогами, выплетая сложнейшие узоры из эфира, которые должны были «почувствовать» эхо магических клятв. Его магия искрилась озоном, а пальцы выписывали в воздухе пируэты, достойные дирижера небесного оркестра. Он искал Дух, Традицию и Честь.

Янина же, сидя на корточках в самом пыльном углу, с азартом ищейки перелистывала засаленные страницы долговых книг.

– Ага! – воскликнула она спустя два часа, вытирая сажу со лба. – Кассиан, отвлекись от своего эфирного балета. Твой «Алмаз Ярости» тридцать лет назад всплыл в качестве залога в ломбарде у некоего барона Грюма. Судя по записям, он пытался выкупить его трижды, но в итоге алмаз ушел с молотка какому-то коллекционеру из южных провинций.

Маг открыл один глаз, его поисковая сеть подозрительно задрожала.

– Это... вульгарно, – констатировал он. – Но, вероятно, верно. Мои нити как раз тянулись к югу, но они чувствовали лишь обрывки эмоционального фона.

– Потому что эмоции у барона Грюма были в основном матерные, – хихикнула Янина.

К полуночи архив превратился в их штаб-квартиру.

Пыль осела на плечах, но азарт исследования захватил даже Кассиана. Они столкнулись над огромным столом, заваленным свитками, картами и выписками. Совмещающая магическое «чутье» мага и приземленную логику ведьмы, они наконец-то начали видеть систему. Алмазы не исчезли — они просто адаптировались к новому, более меркантильному миру.

– Итак, – Кассиан подвел итог, ставя на карте четыре жирные точки. – Алмаз Ярости у коллекционера на юге. Алмаз Истины... боги, он встроен в посох Верховного Инквизитора в соседнем королевстве. Это будет проблемой. Алмаз Милосердия, судя по всему, хранится в закромах монастыря Молчаливых Сестер.

– А самый первый? – Янина ткнула пальцем в карту прямо под их ногами. – Алмаз Стойкости. Где наше «сокровище номер один»?

Кассиан нахмурился, перепроверя координаты своей рунной сетки.

– Он здесь. Прямо в Оксенфурте. Более того, он находится в городской ратуше, выставленный в так называемую «Диадему Единства». Его выставляют раз в году как символ несокрушимости городской власти.

Янина удовлетворенно потерла руки, её глаза блеснули предвкушением легкой наживы.

– Отлично! Значит, завтра идем в ратушу, ты пускаешь им пыль в глаза своим величием, я незаметно выковыриваю камушек, и мы валим отсюда, пока стража не прочухала потерю. План — огонь!

– Ты собираешься совершить святотатство и кражу государственной важности, – вздохнул Кассиан, хотя в глубине его глаз промелькнуло некое подобие одобрения. – Но боюсь, всё будет гораздо сложнее. Ратуша охраняется не только стражей, но и охранными заклинаниями, которые я сам помогал настраивать... триста лет назад. Они не пропустят вора.

Измученные, покрытые слоем вековой пыли, но довольные результатом, они вернулись в отель «Позолоченное перо» уже глубокой ночью.

Холл отеля встретил их тишиной и полумраком. Консьерж, всё тот же мужчина с носом-флюгером, бодрствовал на своем посту, сохраняя безупречную осанку даже в три часа ночи. Завидев их потрепанную компанию, он скривился так, будто мимо пронесли ведро с тухлой рыбой.

– Ваши ключи, Магистр, – он протянул Кассиану связку с таким видом, словно передавал опасный яд. – И... вот это просили передать всем гостям нашего заведения.

Он брезгливо, двумя пальцами, выложил на стойку гляцевую листовку, украшенную золотым тиснением и изображением воркующих голубков.

Янина выхватила листовку первой.

– «Грандиозный ежегодный бал-конкурс: Лучшая пара Оксенфурта»? – прочитала она вслух, и её голос эхом разнесся по пустому холлу. – «Испытание чувств, грации и гармонии. Победители получают право...»

Она осеклась, её глаза округлились.

– «...победители получают право надеть на себя историческую Диадему Единства и возглавить торжественный парад, а также денежный приз в три тысячи золотых».

Наступила оглушительная тишина.

Кассиан медленно взял листовку из её рук, пробежал глазами по тексту и побледнел настолько, что стал почти прозрачным.

– Конкурс пар? – прошептал он, и в его голосе послышались нотки начинающейся истерии. – Грация? Гармония? Янина, ты понимаешь, что это значит?

– Это значит, что камушек сам идет к нам в руки! – радостно воскликнула ведьма. – И три тысячи золотых в придачу! Кассиан, это же судьба!

Маг закрыл лицо руками, его плечи мелко задрожали.

– Нет. Нет, нет и еще раз нет. Чтобы получить право даже коснуться этой диадемы, мы должны... боги, мы должны выступить дуэтом. Мы должны танцевать. Мы должны демонстрировать «единство душ».

Он убрал руки от лица и посмотрел на Янину с настоящим, неподдельным ужасом.

– Янина, ты — это стихийное бедствие в сапогах. Ты не умеешь ходить прямо, ты сутулишься, ты чешешься в приличных местах и ешь руками! У меня есть три дня, чтобы сделать из тебя подобие леди, иначе нас не допустят даже к порогу ратуши, не то что к конкурсу! Это невозможно! Это технически невыполнимо!

Янина посмотрела на него, и на её губах заиграла та самая улыбка, от которой у леших в лесу обычно случалась мигрень.

Она медленно подошла к магу, сокращая дистанцию до неприличия, и легонько ткнула его пальцем в расшитую грудь.

– Ой, да ладно тебе, Ископаемое, – предвкушающе прошептала она. – Неужели Великий Маг Кассиан боится не справиться с какой-то рыжей ведьмой? Считаю это своим самым сложным квестом.

Она развернулась и, пританцовывая в своих тяжелых сапогах, направилась к лестнице, бросив через плечо:

– И приготовь свои лучшие туфли, партнер. Будем учиться «гармонии».

Кассиан остался стоять в холле, сжимая листовку так сильно, что бумага начала тлеть от избытка магии.

– Девяносто восемь процентов... – прошептал он себе под нос с горьким отчаянием. – Прибор Серафины был не просто сломан. Он был проклят самой иронией судьбы.

Консьерж лишь молча наблюдал за тем, как великий маг, пошатываясь, бредет к себе в номер, бормоча что-то о «неизбежности апокалипсиса» и «ритме вальса».

Глава 6 Невозможные манеры

Утро в арендованном балльном зале отеля «Позолоченное перо» пахло пылью, воском и застарелым высокомерием. Огромные зеркала в золоченых рамах, казалось, с неодобрением взирали на Янину, чьи запыленные сапоги выглядели здесь так же уместно, как дохлая крыса на свадебном пироге. Ведьма потянулась, заставляя суставы громко хрустнуть, и окинула взглядом их «группу спасения мира». Кассиан стоял посреди зала, прямой и жесткий, словно проглотил один из своих бесценных свитков. Его камзол сиял свежестью, а на лице застыла мина хирурга, готовящегося к ампутации без наркоза.

– Поскольку наше выживание зависит от того, насколько убедительно вы сможете изобразить светское изящество, я принял решение о распределении пар, – ледяным тоном объявил Кассиан. – Я возьму на себя обучение Серафины. Мы будем служить эталоном, на который вам, Янина, стоит хотя бы попытаться не плевать.

Янина фыркнула, скрестив руки на груди.

– О, конечно! Два засушенных книжных червя в одном флаконе – это определенно будет зрелище, полное страсти и огня. Смотрите не рассыпесь в труху во время вальса.

Кассиан проигнорировал выпад, лишь едва заметно дернул щекой. Он указал на сэра Леопольда, который уже всю разминался, сияя от восторга так сильно, что Янине захотелось надеть темные очки.

– Вы, Янина, будете танцевать с сэром Леопольдом, – припечатал маг. – У него достаточно выдержки, чтобы терпеть ваши... особенности.

Рыцарь тут же подскочил к ведьме, едва не щелкнув каблуками, и галантно склонился, протягивая руку в белоснежной перчатке.

– Для меня это честь, прекрасная леди Янина! Я клянусь, что буду вести вас так бережно, словно вы – хрупкий хрустальный кубок с редчайшим нектаром! – восторженно провозгласил он.

Янина посмотрела на его ладонь так, будто там ползала сороконожка.

– Кубок, говоришь? Главное, не залейся моим «нектаром», рыцарь, а то он у меня бывает с привкусом белены и ехидства, – пробурчала она, нехотя вкладывая свои мозолистые пальцы в его ладонь.

Внутри неё боролись два чувства. Одно – яростное желание показать этому «Ископаемому», что она не просто лесная замарашка. Глубоко в памяти Янины, за слоями цинизма и зельеварения, всё еще жили уроки бабушки Гроуд. Старуха была той еще ведьмой во всех смыслах: она заставляла маленькую Янину часами ходить с книгами на голове и порола хворостиной за каждый неверный наклон головы. «Ведьма должна уметь входить в замок так, будто она его купила, подарила и уже успела проклясть», – говаривала бабуля. Но второе чувство, куда более сильное и вредное, требовало мести за утренние лекции Кассиана. Янина решила: если этому магу нужен спектакль, она устроит ему настоящее цирковое представление.

– Начинаем! – скомандовал Кассиан, взмахнув рукой.

Магический граммофон в углу закрипел, исторгая из себя торжественную и невыносимо занудную мелодию вальса. Кассиан плавно увлек Серафину в центр зала. Они двигались безупречно, словно пара лебедей, сделанных из льда: холодные, идеальные и совершенно скучные. Серафина даже блокнот умудрялась держать за спиной, периодически что-то туда вписывая локтем.

Янина же, глубоко вдохнув, приняла образ «деревенского валенка».

Она нарочно сгорбилась так, будто на её плечах висел мешок картошки. Когда Леопольд попытался увлечь её в первом повороте, она «случайно» запуталась в собственных ногах и с тяжелым вздохом приземлилась на носок рыцаря.

– Ой! – вскрикнула она с самым невинным видом, который только могла изобразить. – Извини, Лео, тут пол какой-то... чересчур плоский. Мои ноги привыкли к кочкам и заячьим норам.

Леопольд, слегка побледнев, мужественно улыбнулся.

– Ничего, леди Янина! Это лишь первый шаг к совершенству! Давайте еще раз.

Он снова потянул её, пытаясь задать ритм. Янина, косясь на Кассиана, который как раз бросил в их сторону уничтожающий взгляд, решила добавить огонька. Вместо грациозного шага назад она сделала выпад в сторону, едва не вывихнув рыцарю плечо, и снова наступила ему на ногу, на этот раз на другую.

– Лево? Право? – громко запрочитала она. – У нас в Непотребкино всё проще: куда леший свистнет, туда и скачешь. Кассиан, а может, мы просто попрыгаем? Это куда больше похоже на танец жизни, чем твои похоронные кружения!

Маг резко остановился. Серафина едва не врезалась в его спину, на лету заноса в блокнот что-то о «нарушении динамического равновесия». Кассиан медленно повернулся к Янине, его глаза метали искры, способные поджечь стог сена.

– Янина, танец – это не просто движение, – процедил он, подходя к ним. – Это проявление врожденного благородства, дисциплины и контроля над собой. То, чего у вас, очевидно, меньше, чем у голодной мантикоры. Вы ведете себя как дикарка, которую вчера вытащили из дупла!

Ведьма уперла руки в бока, не обращая внимания на страдальческое лицо Леопольда.

– Врожденное благородство, говоришь? – она язвительно рассмеялась. – Это когда палка в спине и рожа такая, будто лимон проглотил? У нас в лесу говорят: «Сколько на козу седло ни паяль, конем не станет, зато копытом даст». Твои пафосные танцы — это просто способ занять время, пока за окном мир катится в бездну.

– Это способ получить Алмаз Стойкости, за который вам, если память мне не изменяет, обещали целую гору золота! – рявкнул Кассиан, теряя терпение. – Попробуйте хотя бы на минуту забыть о своих козах и сосредоточиться на том, чтобы не искалечить сэра Леопольда до начала конкурса!

– Ну, раз уж речь о золоте, – Янина демонстративно поправила воротник жилета, – я постараюсь. Но не обещаю, что мои ноги не решат сплясать джигу вместо твоего сонного вальса.

Они возобновили урок, но теперь Кассиан не отходил далеко, буквально нависая над их парой своим магическим авторитетом. Музыка сменилась на более сложную фигуру, требующую смены партнеров на несколько тактов. Янина внутренне напряглась. Ей предстояло на мгновение оказаться в руках мага.

Когда Леопольд передал её ладонь Кассиану, произошло нечто странное.

Как только их руки соприкоснулись, кулон на груди Янины обжег кожу. Эмпатический резонанс, эта проклятая связь амулетов, вспыхнул с новой силой. Кассиан, собиравшийся прочитать очередную лекцию о положении локтей, внезапно запнулся.

В его сознание, словно незванный гость, ворвалось чужое ощущение. Это не была неуклюжесть ведьмы. Сквозь маску нарочитой грубости он почувствовал странный, почти забытый ритм. Это было эхо старой школы, безупречная координация и скрытая грация, которую Янина прятала так глубоко, что даже сама, казалось, забыла о ней.

Маг замер, глядя ей прямо в глаза. На мгновение его взгляд из высокомерного стал озадаченным.

– Что ты... – начал он, но Янина, почувствовав, что он «подсмотрел» лишнее, мгновенно выставила ментальный щит из самых грязных ругательств, которые знала.

Она резко оттолкнула его, имитируя очередной приступ неуклюжести.

– Ой, Магистр, вы такой колючий! У вас камзол из ежовых шкур, что ли? – она громко рассмеялась, пытаясь скрыть смущение.

Кассиан тряхнул головой, отгоняя наваждение.

– Это... галлюцинация, – пробормотал он, потирая виски. – Видимо, пыль в этом зале слишком древняя, она плохо влияет на восприятие реальности.

Он окинул взглядом их растрепанную компанию. Леопольд осторожно разминал оттопанные пальцы ног, Серафина что-то бормотала о статистической погрешности движений, а Янина стояла с вызовом, поправляя свои взлохмаченные рыжие кудри. Маг понял, что если они продолжают в том же духе, к вечеру у него не останется ни нервов, ни союзников.

– Хватит на сегодня, – выдохнул он, и в его голосе впервые прозвучало не высокомерие, а глубокая, вековая усталость. – Бесплезно учить свинью петь — только время терять и свинью раздражать.

Янина уже открыла рот, чтобы выдать особенно едкую поговорку про бородатых магов и их умственные способности, но Кассиан поднял руку, пресекая спор.

– Однако, раз уж мы ввязались в эту авантюру, нам нужна маскировка. Янина, ваше нынешнее обличье вызывает у стражи желание немедленно проверить вас на наличие блох и краденого серебра.

Ведьма оскорбленно прижала руку к груди.

– Мои блохи — это мои личные домашние животные! – патетично воскликнула она.

– Мы отправляемся в «Бархатную иглу», – непреклонно продолжил Кассиан, игнорируя её выступление. – Это лучшее ателье в Оксенфурте. Надеюсь, что хотя бы шелк и корсет смогут сотворить чудо там, где мое воспитание и здравый смысл потерпели сокрушительное поражение.

Он развернулся и направился к выходу, полы его плаща картинно развевались, словно крылья гигантской летучей мыши.

– Слышь, Ископаемое! – крикнула ему вдогонку Янина. – Если корсет будет слишком тугим, я не смогу дышать, а если я не смогу дышать, я не смогу ругаться! Подумай, готов ли ты лишиться своего главного развлечения!

Кассиан даже не обернулся, но его спина заметно напряглась.

Янина подмигнула Леопольду, который всё еще выглядел так, будто его переехал обоз с сеном.

– Не грусти, рыцарь. Пойдем выбирать мне тряпки. Говорят, в красивых платьях ведьмы становятся на десять процентов менее кусачими. Но я бы на твоём месте на это не рассчитывала.

Она зашагала следом за магом, предвкушая, какой хаос она сможет устроить в элитном ателье, и стараясь не думать о том, почему её сердце до сих пор бьется в ритме того самого безупречного вальса, который она так старательно пыталась испортить.

Ателье «Бархатная игла» встретило их запахом дорогого парфюма, высококачественной шерсти и такой густой концентрации снобизма, что у Янины зачесался нос. Она зашла внутрь, нарочно громко стуча подбитыми сапогами по начищенному паркету, и с интересом наблюдала, как местный кутюрье — худосочный тип в лиловом жилете — едва не упал в обморок при виде её дорожного костюма. Кассиан же, напротив, чувствовал себя здесь как рыба в воде. Он обвёл взглядом стройные ряды манекенов с таким видом, будто принимал парад гвардейцев, и указал на Серафину.

– Начнём с неё. Нам нужно нечто, что подчеркнёт научный склад ума и полное отсутствие... – он бросил короткий взгляд на Янину, – лишних порывов.

Янина лишь хмыкнула, прислонившись к стене и скрестив руки на груди. Ну конечно, «эталон». Сейчас они сделают из бедной девчонки ходячий памятник библиотечной тишине.

Серафина, зажав блокнот под мышкой, послушно отправилась за ширму. Когда она вышла, Янина едва подавила зевок. Это было платье цвета «пыльной надежды»: глухой высокий воротник, длинные рукава и подол, под которым можно было спрятать небольшую армию контрабандистов. Никаких украшений, никаких излишеств, только строгие линии, превращавшие девушку в симпатичный, но крайне унылый книжный шкаф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.